

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

БРАТСТВО СНАЙПЕРОВ

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Братство снайперов

«Научная книга»

2012

Зверев С. И.

Братство снайперов / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2012 — (Спецназ ВДВ)

Снайпер-контрактник Владимир Локис едет в южную страну к старому школьному другу Владу Штурму. Но, прибыв на место, он не застаёт его дома. Влад, тоже профессиональный снайпер, срочно отбыл в район масштабной контртеррористической операции. Локис решает поехать следом за другом. Эта авантюра обернулась тем, что Владимиру и Владу пришлось бок о бок сражаться против террористов. В ходе жаркого боя случилось самое худшее — Влад попал в плен к террористам. Сослуживцы уверены, что их боец живым оттуда уже не выйдет. Но Владимир не хочет даже слышать об этом и в одиночку отправляется выручать друга...

© Зверев С. И., 2012

© Научная книга, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава первая	10
Глава вторая	18
Глава третья	22
Глава четвертая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Зверев

Братство снайперов

Пролог

Пулемет смолк, но его непрерывный на протяжении последних двадцати минут треск все еще продолжал метаться эхом между высокими песчаными барханами. Беспорядочная стрельба со стороны противоположного лагеря, где, как было известно израильским спецназовцам, засело не менее тридцати арабских боевиков, тоже прекратилась.

Влад на мгновение выглянул из укрытия, затем вновь завалился на спину, неспешно пристроил во рту незажженную сигарету и пошарил по карманам военной куртки в поисках спичек или зажигалки. Волосы бойца были мокрыми от пота. Солнце палило нещадно, и запас армейских фляг таял буквально на глазах. Влад взглянул на часы. Играть отступление было еще явно рановато. Впрочем, решать этот вопрос надлежало не ему, а Абрамову, командиру их немногочисленной группы. Влад вынул сигарету и сплюнул на прокаленный песок.

– Все, Сема, – коротко бросил он молодому пареньку, лежавшему за пулеметом. – Перекури малость. В ушах звенит. Да и патроны сэкономишь. Чего строчить-то без толку. Видишь, затихли же...

– Выжидают, – подал голос крепкий сорокалетний мужчина, приземляясь на песок по правую руку от Влада.

– Чего выжидают, господин сержант?

– А хрен их знает, чего, – мужчина равнодушно пожал плечами, в его руках тоже появилась помятая пачка сигарет. – Хотя, я полагаю, подкрепления они ждут. Из Хулы.

Ни спичек, ни зажигалки у Влада не оказалось. Он вновь сплюнул на песок. Они удерживали позиции почти двое суток, и за это время основная часть арабских бандитов должна была отойти достаточно далеко. Рядовой Владислав Штурм остался с группой, хотя работы по его части в этой операции так и не представилось. Снайперская винтовка в нерасчехленном виде покоилась на травянистом бугорке под барханом.

– Отходить надо, Маркыч, – по-свойски обратился Влад к сержанту. – Ты поговорил бы с Абрамовым. Наши уже далеко... А если эти свиньи действительно дождутся подкрепления, мы легко можем оказаться в кольце. Зажмут нас и перестреляют, как зайцев. Всю группу перестреляют...

– Думаешь, я этого не знаю? – хмуро откликнулся Маркыч. Теперь он шарил по карманам, надеясь отыскать хоть что-то, от чего можно было бы прикурить. – Мне уже приходилось пару раз бывать в таких ситуациях. Только стрелять арабы не станут. Если поймут, что на их стороне численное превосходство, подкрадутся вплотную и перережут. В сонном состоянии. А может, и не в сонном... – Сержант покосился на Штурма. – Что мы всемером сможем противопоставить полсотне боевиков? У тебя спичек нет, Влад?

– Нет, – Штурм развел руками.

– Сема? – окликнул молодого бойца сержант.

Семен сидел на корточках возле пулемета с зажатой в зубах сигаретой.

– Сам жду, господин сержант.

– Вот черт! – Маркыч прищелкнул языком. – Без спичек и не покуришь ведь. Как в том анекдоте – были бы спички, был бы рай. Ну-ка, Семен, приложись к пулемету. Он раскалится, видать, так, что аж пышет от него. Раскури сигаретку.

Влад рассмеялся. Однако Семен, в отличие от своего товарища, принял слова сержанта за чистую монету. Опустившись на колени, он потянулся вперед, и зажата в его зубах сигарета ткнулась в корпус стрелкового оружия. Бумажный кончик слегка задымился.

– Тяни-тяни, – посоветовал сержант.

Семен глубоко затянулся. Затем еще раз и еще... Дымок стал гуще, сигарета затеплилась, сухой табак схватился и разгорелся. Влад удивленно присвистнул.

– Лихо! – прокомментировал он. – Ну, ты даешь, Маркыч! Я думал, это прикол такой.

– Да какой там прикол, – сержант забрал из рук Семена раскуренную сигарету и засмолил от нее свою. – Пару раз сам видел, как ребята продельвали такое.

– Я бы не догадался, – признался Штурм.

– И я тоже, – поддакнул Семен.

– Учитесь, сынки. – Маркыч расплылся в улыбке и передал свою сигарету Владу. Пару минут он хранил сосредоточенное молчание, пуская вверх клубы дыма, а затем неспешно заговорил: – Так вот, возвращаясь к арабам и к тому, как они тайком под покровом ночи умеют вырезать противника... Сам сказал и сам вспомнил. Был у меня в жизни один случай, еще во время палестинской кампании. Стояли так же отрядом под одной арабской деревушкой. Не меньше трех недель стояли. Все ждали приказа атаковать, а в штабе как-то слишком уж долго принималось окончательное решение. Нам что? Мы – люди подневольные. Сказано ждать – ждем. И те, значит, выжидают. Арабы... Тут меня в разведку отправили. – Сержант лег на спину и закинул руки за голову, дымящаяся сигарета торчала из левого уголка рта. – Выведал все, как полагается, возвращаясь обратно кружным путем. Вдруг, глядь, в кустах кто-то копошится. Я автомат вскинул, говорю, мол, стрелять буду, а в ответ молчание. Ну, я приблизился... и что же вы, братцы, думаете? Волчица! Здоровая такая, матерая. И, главное, красоты необыкновенной... Но только раненная. Пуля под лопатку вошла и насквозь прошла. Зверь мучается, кровью истекает... Что тут делать? К тому же, как потом выяснилось, волчица еще и беременной оказалась. Я думаю, помочь ей нужно, а самому тем не менее боязно. Шутка ли, такая хищница!

– И что же? – не выдержал Семен, за что немедленно был награжден суровым взглядом со стороны Влада.

Маркыч, впрочем, на эту реплику никак не отреагировал. Он продолжал с прежним спокойствием попыхивать сигаретой.

– В общем, решился я. Смазал рану, перевязал, соорудив жгут из собственной рубашки, да так и оставил ее в кустах. Не тащить же на себе в лагерь. Однако навещать потом стал ее ежедневно. Кормил, выхаживал... Через недельку волчица оправилась, а еще дня через три разродилась. Пятерых волчат принесла. Маленькие такие, с ладошку... Я продолжал навещать мамашу, подкармливал ее. Ну, чтоб у нее силы, значит, были за детками ухаживать. И встречала она меня все время, как родного. Узнавала. Привыкла... А потом прихожу как-то – вроде все как обычно, но только уходить собрался, она – прыг, и дорогу мне преградила. Стоит, шерсть на загривке торчком, зубы скалит, того и гляди кинется.

Я ведь так и подумал, что ни с того, ни с сего глотку мне перегрызть решила. Чего с хищника возьмешь? И ведь не выстрелишь в нее, волчата рядом. Пищат, мамку зовут. Меня поначалу оторопь взяла, а потом я с ней разговаривать начал, успокаивать. Но куда там! Вроде спрячет клыки, я шаг вперед и она тут же в прежнюю стойку. Рычит, глаза бешеные... Часа три так меня продержала, а потом вдруг резко переменялась, словно шиза отступила, и в сторону. Я и смог уйти. Добрел до лагеря, и что вы думаете? – Сержант выдержал многозначительную паузу. Докурил сигарету, бросил окурочек на песок. – Пока меня не было, арабы весь наш отряд вырезали. Подчистую. Никого в живых не оставили... Я стою, как дебил, на трупы товарищей таращусь, и вдруг чувствую, меня кто-то в руку лизнул. Оборачиваюсь – она! Волчица...

Маркыч замолчал. Установившуюся после его рассказа тишину нарушало лишь завывание ветра, гонявшего песок по вершинам барханов.

– Нехило. – Влад и сам не ожидал, что услышанное произведет на него такое сильное впечатление. – Выходит, волчица тебе жизнь спасла, Маркыч.

– Выходит, что так, – сержант принял сидячее положение. – Ну-ка, Семен, глянь, как там обстановка.

Молодой боец вернулся к пулемету и осторожно высунул голову. Клонившееся к горизонту солнце ударило Семена по глазам. Он приложил ко лбу руку на манер козырька. Всмотрелся.

– Никого вроде, – сообщил он товарищам после недолгой паузы.

– Все равно дай одну очередь для остратки, – распорядился Маркыч. – Чтоб не расслаблялись, черти.

Семен подтянул к себе пулемет, и над пустынной равниной разнесся рваный стрекот его оружия. В ответ застучали сиротливые одиночные выстрелы. Семен пригнул голову. Пули выбили фонтанчики из песка на расстоянии двух метров.

– Враги не дремлют, – с улыбкой сообщил боец, сползая обратно к товарищам под бархан.

– И спичек у них, поди, навалом, – с грустью констатировал Маркыч. Его шутка вызвала у Семена смех.

– Снайперов нет? – поинтересовался Влад.

– Пока нет. То есть если и притаились где, то не спешат себя обнаруживать.

Слева от Штурма мелькнула тень, и его рука инстинктивно метнулась к висящему на поясе пистолету. Однако расчехлять кобуру Владу так и не пришлось. В приближающемся к их группе человеке он узнал лейтенанта Абрамова.

– Здравия желаю, господин лейтенант! – Семен первым вскочил на ноги, приветствуя командира.

Влад, а следом за ним и Маркыч тоже предприняли попытку подняться на ноги, но Абрамов пресек их порыв небрежным взмахом руки. Вместо этого сам опустился рядом с подчиненными на песок. Сапоги лейтенанта были покрыты густым слоем пыли, рубашка на спине пропиталась от пота. Куртка защитного цвета отсутствовала вовсе. Абрамов достал из кармана носовой платок и протер лоб.

– Отступаем, – коротко проинформировал он застывших в ожидании бойцов. – Группа Гендельберга уже выступила. Сам Гендельберг ранен. Тяжело ранен. Боюсь, до лагеря он не дотянет. Арабы ждут подкрепления.

– Я так и думал, – буркнул себе под нос Маркыч.

Абрамов, казалось, не услышал его реплики.

– Однако, прежде чем отступить, будет у нас еще небольшая работенка. Для прикрытия тыла. И работенка эта как раз для вас, рядовой Штурм.

– Слушаю, господин лейтенант.

Абрамов еще раз смахнул со лба пот, затем выудил из-под рубашки потрепанную карту и разостлал ее на песке. На схеме уже были сделаны четкие карандашные пометки, которые Влад прежде не видел. В частности, его внимание привлек жирный двухполосный крест с западной стороны от отмеченного на карте красным кружочком лагеря арабов. Тонкий палец лейтенанта ткнулся в это самое место.

– Сюда из лагеря выдвинулся сигнальщик, – пояснил он. – Мы его засекли. Однако он вне пределов досягаемости нашего пулемета. Достать его невозможно. Вся надежда на вас и ваши профессиональные навыки, рядовой Штурм.

Влад коротко кивнул. Задача была для него предельно ясна. И действительно, как раз по его профилю. Протянув руку, Штурм легко подобрал чехол со снайперской винтовкой.

– Выдвигайтесь на позицию немедленно, – напутствовал бойца Абрамов. – Вы должны успеть ликвидировать сигнальщика до того, как он разрядит свою ракетницу. Чем позже придет подкрепление арабов из Хулы, тем больше у нас шансов добраться до лагеря целыми и невредимыми. Не мне вам объяснять прописные истины, рядовой Штурм.

– Так точно, господин лейтенант. Вас понял.

– Отлично, – кивнул Абрамов. – Исполняйте. А что касается вас, сержант Беркович, и вас, рядовой Недлин, ваша задача заключается в том, чтобы как можно надежнее прикрыть нас от противника и обеспечить выход к группе Гендельберга...

Штурм уже не слышал инструкций лейтенанта, касавшихся его товарищей. Перехватив винтовку наперевес, снайпер скорым шагом двинулся вдоль барханов, держа курс на юго-запад. Влад не боялся заблудиться или быть обнаруженным противником. Эти места за время проведения двухнедельной операции прикрытия он изучил вдоль и поперек. И прекрасно представлял себе ту позицию, на которую выдвинулся из арабского лагеря сигнальщик.

Солнце палило уже не так сильно, как пару-тройку часов назад, но Влад отчетливо ощущал катившиеся по спине струи пота. Волосы на висках и макушке слиплись. Радовала только одна мысль. Группа отступала до лагеря. Лично для Штурма это означало относительно мягкую постель, свежую питьевую воду, нормальное трехразовое питание. В общем, все те удобства, которых он был лишен на протяжении длительного времени...

Барханы кончились, песок стал более вязким. Владу хотелось курить, но он мужественно держался. Еще больше, чем курить, хотелось пить. Однако снайпер отлично знал, что запас воды в его набедренной фляге был минимальным. Стоило оставить его на обратную дорогу.

Сокол, широко взмахнув крыльями, пошел на снижение, а затем вдруг резко взял вверх. Влад остановился. На горизонте смутно просматривалась движущаяся точка. Боец снял с плеча армейский бинокль и припал к окулярам. Настроил оптику, пригляделся. Острое зрение изначально не обмануло Штурма. Теперь он мог совершенно ясно видеть фигуру идущего человека. Влад перевел бинокль правее и внимательно исследовал местность. Человек был один. Никого другого в пределах видимости не наблюдалось. Расстояние до цели – что-то около полутора-двух километров. Вполне достаточно для его оптики.

Боец положил винтовку на песок, а затем сам опустился рядом. Бережно снял с оружия чехол. Торопиться не следовало. Из личного опыта Влад знал, что в подобных вещах спешка ему не помощник.

Руки снайпера отлично справлялись со своей задачей. Все действия были механическими, отработанными до совершенства. За полминуты винтовка была собрана и готова к использованию по ее прямому назначению. Влад принял упор лежа и выставил оружие перед собой. Перекрестье прицела легко отыскало на открытой местности живую мишень. Человек уже не шел. Он сидел на корточках, копошась над своим рюкзаком. Склоненная голова скрылась за широкими, утянутыми в камуфляж плечами. Штурм мягко, но уверенно положил палец на спусковой крючок.

Неприятель наконец разогнулся, и Влад смог разглядеть ракетницу в его правой руке. Фигура приняла вертикальное положение. Спина прямая, ноги широко расставлены. Голова в пределах видимости оптического прицела.

Человек вскинул руку с ракетницей вверх, но выстрелить не успел. Влад спустил курок раньше. Пуле, выпущенной из его снайперской винтовки, потребовались меньше секунды на то, чтобы преодолеть расстояние, разделявшее «охотника» и «жертву». Промахов на счету у Влада не было, только прямые точные попадания. Так произошло и на этот раз. Голова сигнальщика дернулась, словно он получил неожиданный удар в челюсть, тело качнулось, замерло на неуловимую долю секунды, а затем повалилось лицом вниз. Рядом с поверженным противником в песок приземлилась и его неиспользованная ракетница. Сигнал группе подкрепления,

двигавшейся со стороны Хулы, подан не был. Штурм справился с поставленной перед ним задачей.

Снайпер разобрал винтовку и вернул ее в специальный чехол. Отстегнул с пояса флягу. Живительный глоток влаги смочил губы и пересохшее горло. Влад пружинисто поднялся на ноги, подхватил чехол с винтовкой и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, зашагал по вязкому песку в обратном направлении.

Глава первая

– Ты что?!

Влад попытался высвободиться из Вовкиного захвата. Однако руки соперника еще сильнее впились в его плечи.

– А что?

Локис дерзко смотрел прямо в глаза плененному товарищу.

Оба мальчишки тяжело дышали.

– Ты это что, из-за Машки, что ли?

Влад понял, что лучше бы ему было промолчать. Понял сразу же, как только слова сорвались у него с губ. Теперь Штурм совершенно точно знал, что все, что случилось с ними в лесу, было из-за Машки, поскольку в следующее мгновение последовал удар такой силы, что Влад на несколько секунд лишился слуха. Глаза его расширились, он зашатался и едва не упал. Только уязвленная мужская гордость заставляла его держаться на ногах.

– Влад! Влад! Ты что?! Эй!

Локис, заметив, что друг медленно оседает на землю, попытался удержать его.

– Дурак!

Влад все-таки не удержал равновесия. Качнувшись еще раз и почувствовав во рту предательский привкус металла, он упал к ногам товарища...

Сознание вернулось почти сразу. Штурм лежал на земле, ощущая лопатками мокрую от росы траву. Локис стоял перед ним на коленях, теребя за плечо.

– Ты что? Совсем, что ли? Ты чего упал-то? – Вовка был страшно напуган. – Давай руку!

– Идиот...

Влад оттолкнул его протянутую ладонь, решительно поднялся на ноги и принялся стряхивать с одежды сухие листья.

– Ну прости, Влад! Я не хотел!

– Придурок!

Влад всхлипнул. До сих пор никому не удавалось положить Владислава Штурма на лопатки. Хорошо, что хоть девчонок рядом не было. Этот нокаут ему еще долго придется вспоминать.

– А где класс-то?

– Там, наверное, – Локис сделал неопределенный жест рукой в сторону леса.

– Почему там, а не тут?

Влад указал в противоположную сторону.

– Сдурел, что ли? Ты что, не видишь, трава замята.

Локис обернулся. Через осоку в том месте, где мальчишки перемахнули через поваленный дуб, действительно тянулась едва заметная дорожка.

– Пошли, а то уедут. Тащиться потом пешком до Москвы. Автобус ждать нас двоих не будет. Татьяна Алексеевна скажет, что мы, как всегда, без башни ломанули до дому пешком.

Влад первым двинулся в сторону поваленного дерева.

– Татьяна Алексеевна никуда без нас не поедет, – уверенно возразил Локис. – Ты рехнулся, что ли? С нее директриса скальп снимет, если она без нас вернется. Не дрейфь!

Он по-мужски сплюнул через передние зубы, но все же направился следом за другом.

– Кто дрейфит-то? – не оборачиваясь, огрызнулся Штурм. – Только мы в Горках, Вован. Отсюда пешкодралом до Москвы сутки идти...

– Говорю тебе, они никуда без нас не уедут. У них так принято, что, сколько человек уехало в поход, столько же должно приехать обратно к школе. Так что без нас они никуда не денутся.

Локис остановился и слегка подтянулся на высохшей березовой ветке. Ветка с хрустом отломилась.

– Машка же без тебя не поедет. Так что можем еще погулять. Они там до вечера стоять будут!

Штурм по-прежнему шел быстро, не оглядываясь. Локис догнал его и ткнул кулаком под лопатку.

– А тебе завидно?

– Я же не такой дурак, как ты! С Машкой связываться...

Через пять минут одноклассники вышли к опушке, на которой седьмой «А» разбил свой «полевой» лагерь. Татьяна Алексеевна и ее подопечные сидели вокруг расстеленной на траве скатерти. Никто из них не успел заметить отсутствия двух мальчишек...

* * *

– Пожалуйста, пристегните ремень!

Локис почувствовал на своей руке легкое прикосновение. Он открыл глаза. Над ним склонилась бортпроводница, а вокруг был не подмосковный лес, а салон авиалайнера. Утомительный перелет как-то незаметно погрузил Владимира в сон.

– Да, спасибо. – Локис снова закрыл глаза.

Сегодня школьные годы казались такими далекими... Влад вскоре после того самого эпизода в лесу уехал с родителями в Израиль. Владимир по-прежнему жил в Москве. Штурм так же, как и Локис, служил по контракту. Оба воевали в горячих точках в разных частях света.

Увидеться им удалось только раз, когда Влад приезжал в Москву. Все остальное время приходилось довольствоваться перепиской по электронной почте и телефонными разговорами. А поделиться друг с другом было чем. Дружеские чувства и общность профессии роднили их и по сей день. Теперь Локис с нетерпением ждал встречи с Штурмом, до которой оставалось несколько часов.

Из окна самолета уже можно было разглядеть гигантский комплекс главного израильского аэропорта. С каждой секундой открывались все новые детали картины. Самолет взял на восток и стал заходить на посадку. Внизу замелькала разметка взлетно-посадочной полосы, стали отчетливо видны лабиринты рулежных дорожек. Наконец аэробус мягко качнуло. Шасси заскользило по асфальтовому покрытию.

– Наш самолет совершил посадку в международном аэропорту Бен-Гурион, – вкрадчивый голос бортпроводницы известил прибывших об окончании полета.

Самолет плавно катил мимо приземлившихся ранее лайнеров.

– Вот мы и дома, – заговорил неожиданно сосед Локиса, во время перелета не промолвивший ни одного слова. – Хотя, вы, наверное, москвич...

– Москвич, – коротко кивнул Локис. – А как вы узнали?

– По ботинкам.

– Почему по ботинкам? – Владимир улыбнулся. Замечание соседа показалось ему странным.

– У вас ботинки московские, – охотно пояснил тот. – Московской фирмы. Я рассмотрел лейбл на язычке. Я себе тоже купил ботинки в Москве. Очень хорошие. – У собеседника был прекрасный русский, и его принадлежность к другому государству выдавал лишь легкий акцент. В конце каждой фразы интонация повышалась, как будто бы он задавал вопрос.

– В Москве стали шить приличную обувь. А цен таких в Европе нет. Я себе покупаю ботинки каждый месяц. Износил – выбросил.

– Много ходите? – Локис с удовольствием поддерживал беседу. Типичная для средиземноморских жителей легкость общения не обязывала ни к чему серьезному.

– Больше – летаю, – после небольшой паузы ответил сосед. – Меня зовут Шауль.

– Владимир.

За разговором Локис не заметил, как самолет подкатил к терминалу. Через несколько минут началась высадка пассажиров.

– А я сейчас дочку увижу, – столь же неожиданно, как и пять минут назад, продолжил сосед, резко сменив тему. – Знаете, как меня любит моя Сарочка? Очень. Хотите, я вам покажу ее рисунок?

Сосед, не дожидаясь ответа, раскрыл папку, которая лежала у него на коленях, и извлек из нее листок с рисунком.

– Вот. Это моя дочь рисовала. – Взглянув на рисунок, он расхохотался. – Смотрите, какая прелесть! Разве нет?

На рисунке были изображены немыслимые каракули, в которых все же можно было признать кривоногих человечков.

– Знаете, где здесь мальчики? – Шауль продолжал смеяться.

– Нет.

– Там, где есть пупок, – девочки, где нет – мальчики. По мнению Сарочки, пупок – половой признак. Очаровательно, правда? – Сосед уложил рисунок обратно в папку. – Дети – мои учителя. Вы когда-нибудь думали о детях так?

– Нет, – честно признался Локис.

– Сейчас я вам дам бесплатный совет. А вы потом, когда-нибудь, вспомните Шауля Хазина добрым словом. Я писал об этом в своей книге: дети научат вас всему, что нужно для успешной адаптации в социуме. У них есть готовые ответы на все вопросы, которыми задаемся мы с вами. Если у вас будет какая-то сложная жизненная ситуация и вы не будете знать, как поступить, спросите ребенка. Если ваша ситуация окажется настолько хреновой, что рядом даже не окажется ребенка, вспомните себя маленьким. И спросите у себя, как бы вы поступили. Будьте уверены, ребенок в вас обязательно найдет нужный ответ.

– Интересно.

– Да, интересно. Но вы все-таки запомните мои слова. – Мужчина поднялся с кресла. – Ну, счастливого пути.

Он улыбнулся, выдержал небольшую паузу, глядя на Локиса, а затем молча протянул руку для прощания. Столь неожиданно начавшаяся беседа завершилась. Не произнося больше ни слова, Шауль стремительно двинулся к трапу.

Локис направился следом...

Дорожка телетрапа медленно ползла в сторону третьего, самого большого международного терминала аэропорта. Взгляды не пробудившихся еще после многочасового перелета пассажиров невольно устремлялись на гигантские «Боинги», «Люфтганзы», которые можно было видеть через стеклянные стенки трапа.

Паспортный контроль занял не более нескольких минут. Следуя указаниям пиктограмм, Локис направился получать багаж.

Огромное расстояние между корпусами, рассчитанными на многомиллионный поток пассажиров аэропорта, легко преодолевалось с помощью движущихся тротуаров. Все галереи, связывающие залы между собой, были оборудованы такими дорожками. Локис последовал примеру наиболее расторопных попутчиков. Он взял немного влево от основного потока людей и шагом направился по бегущей дорожке в зал получения багажа.

Информация на огромных табло, хорошо видимых с любой точки зала, гласила, что свой багаж пассажиры рейса триста двадцать один российской авиакомпании «Трансаэро» могут получить у четвертого разгрузочного транспортера. Владимир получил свою сумку и, следуя указателям, направился к выходу...

Внутренняя площадь Бен-Гуриона поражала своим великолепием. Огромный виртуальный фонтан с ниспадающими из-под потолка струями воды создавал ощущение прохлады, резко контрастирующее с видом знойных пальм за стеклянными стенами павильона. Белый и желтоватый иерусалимские камни с растительностью дополняли картину.

В этом зале встречающие ожидали прибытия рейсов. В толпе Локис заметил своего попутчика по самолету. Тот, активно жестикулируя, беседовал по телефону. Говорил он уже на иврите. Локис не понимал ни слова. Владимир махнул в знак прощания, но Шауль не заметил этого. Разговор с Сарой теперь занимал все его внимание.

– Эта сумка для Михаила Михайловича, – слева от Локиса звонкоголосая блондинка, летевшая тем же рейсом из Москвы, обаятельно улыбалась низкорослому мужчине в голубых джинсах. Владимир еще в Домодедово обратил на нее внимание. Женщина, судя по ее разговору, должна была передать посылку для известного актера Михаила Козакова. – Только, пожалуйста, везите пакет вертикально. Там есть чему биться. Вот так, – она показала, как следует держать ее пакет...

Локис миновал толпу встречающих и остановился около огромного табло с подробной схемой аэропорта. Взял со стойки карту-путеводитель. Отыскав пиктограмму, указывающую на переговорный пункт, последовал к телефонным аппаратам.

После недолгого ожидания ему ответил вежливый женский голос безучастного автоинформатора. Сообщение на иврите повторили на английском. Автоответчик уточнил, что абонент в настоящее время не может быть вызван. Локис вновь повторил набор. Автоответчик повторил то же сообщение. Владимир положил трубку. Сверившись по путеводителю с расписанием поездов на Хайфском направлении, он поднялся на второй этаж аэровокзала, где располагались многочисленные дьюти-фри конторы, предлагающие арендовать жилье, автомобили, мобильные телефоны... До отправки на Акко еще оставалось время. Локис побродил по магазинам, арендовал мобильный телефон с прямым израильским номером и направился в сторону железнодорожной станции. По дороге он вновь набрал телефон Влада. Штурм не ответил...

Комфортабельный поезд, следовавший по маршруту «Тель-Авив – Хайфа – Акко», стартовал прямо от здания аэропорта. Через два часа Локис уже был на месте.

Квартира под номером двенадцать находилась на третьем этаже. Локис позвонил. Трель дверного звонка, имитировавшая птичье пение, была отчетливо слышна на лестничной клетке. Однако дома, судя по всему, никого не было. Владимир приложил ухо к замочной скважине. В квартире было так же тихо, как и в подъезде. Он позвонил еще раз, затем достал трубку мобильного и набрал домашний номер Влада. За дверью зазвонил телефон. Но и на телефонный звонок никто не ответил. Локис постучал.

– Влад!

Гость из Москвы уже собирался было спуститься вниз, как вдруг за дверью соседней квартиры послышался шорох. Через секунду звякнул замок и дверь приоткрылась. В щель выглянул мужчина лет сорока с закрученными у висков седыми волосами. На нем была только майка. Он что-то спросил у Локиса на иврите, но Владимир отрицательно помотал головой.

– Я не знаю язык, – сказал он. – Вы говорите по-русски?

– Плохо, – маленькие глазки мужчины подозрительно сузились. Он быстро бросил взгляд за спину незнакомцу. – Но могу понимать.

– Я приехал к Владиславу Штурму. Из Москвы, – Локис сделал осторожный шаг вперед. Ему совсем не хотелось пугать этого мужчину с седыми вихрами. – Вы не знаете, где он?

– Кто вы?

– Я его друг, – Владимир миролюбиво улыбнулся. – Он меня должен был ждать. Я позвонил из аэропорта, но мобильный телефон отключен. И дома никого нет.

Говоря это, Локис еще раз набрал нужный номер, но тот же синтезированный женский голос вежливо уведомил его, что абонент не может быть вызван.

– То же самое. Телефон отключен...

– Он в Ливане, – сообщил мужчина.

– В Ливане? А где именно? – Локис спрятал телефон в карман джинсов. – У вас нет его адреса?

– Откуда? – сосед выразительно хмыкнул и пригладил вихры на висках. – Граждане государства Израиль подверглись очередной атаке террористов в Хайфе. Поэтому наш премьер направил в Ливан военных. Надо раздавить эту гниду, наконец. Почему должны гибнуть мирные израильтяне? Как вы считаете?

Локис предпочел ответить молчанием на эту тираду. Обсуждать политику не знакомой ему страны он не собирался. Это было не в его правилах. К тому же Владимира интересовало сейчас совсем другое.

– А номер он не оставил? – последовал очередной вопрос. – Как его можно найти?

– Да что вы? Он никогда ничего такого не оставляет мне. – Мужчина переступил с ноги на ногу и одернул на груди майку. Затем почему-то оглянулся по сторонам, хотя на лестничной площадке, кроме него и Локиса, никого не было. Голос инстинктивно понизился до шепота. – Но я через стенку разговор слышал. Вроде у них база где-то в районе деревни Газия. Влад что-то такое говорил по телефону. Но точно я не знаю. Понимаете?

– Понимаю, – для Владимира этой информации было более чем достаточно. – Спасибо вам огромное. И извините за беспокойство.

Локис спустился на первый этаж, и только тогда до него донесся звук захлопнувшейся двери. Мужчина с седыми волосами явно разглядывал его между перил.

Не раздумывая ни секунды, Владимир направился на железнодорожный вокзал. В конце концов, используя связи, можно будет легко выяснить, где дислоцирована воинская часть Штурма. К тому же другого варианта развития событий молодой человек просто не видел. Не возвращаться же ему обратно в Москву? Не для того он проделал столь длинный путь.

Из такси Локис еще раз, исключительно наудачу, набрал номер Влада, но результат остался прежним.

* * *

– Мы будем атаковать деревню Хула? – вскинулся майор Залинтайн.

У майора было такое выражение лица, словно до него только сейчас дошел смысл произносимых Найером слов. Лейтенант Абрамов криво усмехнулся и, как равного, толкнул Штурма локтем в бок. В этом не было ничего удивительного. Все знали легкий нрав лейтенанта в общении с подчиненными, когда они не находились вместе на боевых заданиях. Во время операции менялось все. Абрамов нес за действия своих бойцов полную ответственность перед руководством и имел право требовать того же от подчиненных по отношению к собственной персоне. Сейчас ситуация была иной. Штурм, не принимавший участия в общем обсуждении, позволил себе улыбнуться в ответ. Залинтайн продолжал удивленно моргать глазами.

– При всем уважении, господин полковник, – преодолевая природное заикание, обратился он к Найеру. – Я боюсь, что мы просто не можем сейчас позволить себе подобную роскошь. Соотношение сил не в нашу пользу, господин полковник. Количество находящихся в Хуле арабских боевиков превышает...

– Мне отлично известна численность неприятельских войск, майор Залинтайн, – резко оборвал подчиненного полковник. – Проблема в том, что не сегодня-завтра эта численность станет еще больше. Если арабы укрепятся в Хуле, выбить их оттуда у нас уже не получится. Разве что с существенными потерями.

– У нас и так будут потери, господин полковник, – буркнул себе под нос Залинтайн, однако Найер его услышал.

– Минимальные потери, – внес он коррективы. – И мне хотелось бы обойтись этими минимальными потерями. Мы обязаны немедленно провести операцию по захвату Хулы. Возражения на этот счет не принимаются, майор. Кстати, довожу до вашего сведения, что ответственность за проведение операции будет возложена на вас.

– На меня? – Залинтайн облизнул пересохшие губы, и все присутствовавшие в кабинете полковника увидели, как сухощавое лицо майора с рельефно выделенными скулами покрылось мертвенной бледностью.

В последнее время майор сильно сдал. Это заметили все, включая и рядового Штурма, возглавлявшего одну из групп внешнего прикрытия. Владу не раз и не два приходилось принимать участие в операциях под руководством Залинтайна, и он знал, что тот никогда прежде не пасовал перед трудностями. До одного рокового момента... До тех пор, пока во время очередной атаки не был тяжело ранен старший сын Залинтайна. Восемнадцатилетнему парнишке перебило позвоночник, и он оказался на всю оставшуюся жизнь прикованным к кровати. Руководил той памятной операцией сам майор. И с тех пор его как будто подменили. Владу было искренне жаль старика. А вот Найер, словно и не заметив никакой перемены в своем подчиненном, продолжал по полной нагружать Залинтайна ответственными заданиями.

– На вас, майор, на вас, – жестко изрек полковник, не спуская с Залинтайна глаз. – На кого же еще? С вашим-то боевым опытом... Одним словом, вы возглавите центральную атакующую группу. Я объясню задачи, когда начнем разбираться по диспозициям. Как обстоят дела с группой Гендельберга, лейтенант? – Командирский взор Найера переместился с бледного, как смерть, Залинтайна на Абрамова.

– Во время последней операции мы понесли потери, господин полковник.

– Насколько серьезные?

– Достаточно существенные, господин полковник. Рядовой Гендельберг мертв.

Найер нахмурился и несколько минут хранил напряженное молчание. Штурм, скосив глаза, заметил, как Залинтайн нервно теребит нижнюю пуговицу на своем военном мундире. Майору уже было хорошо известно о гибели одного из высокочлассных снайперов.

– Плохо, – Найер качнул головой. – Очень плохо. Однако... – как и ожидалось, полковник резко развернулся лицом к Владу. – Что по этому поводу думаете вы, рядовой Штурм? Как считаете, ваша группа сможет справиться с внешним прикрытием без Гендельберга?

– Это будет весьма затруднительно, господин полковник, но... Мы сделаем все от нас зависящее. Ручаюсь.

– Сделайте, – сказал, как отрубил Найер, но тут же, услышав нетерпеливое покашливание Залинтайна, сурово сдвинул брови над переносицей. – Что опять не так, майор? Вы хотите что-то сказать?

– Да. Если позволите, господин полковник.

– Говорите. Я вас слушаю.

– Как я уже говорил, захват Хулы – задача не из легких. Я бы даже сказал...

– Это я уже слышал! – нетерпеливо оборвал подчиненного Найер.

– Так вот я боюсь, что рядовой Штурм в данном случае не отдает себе отчета о той степени ответственности... Если вы возлагаете руководство операцией на меня...

– Говорите яснее, майор. Яснее и по существу.

– Слушаюсь, господин полковник, – Залинтайн в очередной раз лихорадочно облизал губы. – Я хочу сказать, что без второго снайпера внешнее прикрытие невозможно. Это мое твердое убеждение, господин полковник. Если угодно, давайте взглянем на карту, и тогда вы сами...

– Я понял вашу мысль, майор Залинтайн, – полковник сцепил пальцы в замок и тяжело опустил их на поверхность стола. Стоящая по правую руку от него бронзовая пепельница в

виде перевернутой на спину черепахи угрожающе звякнула. – В таком случае нам необходимо в срочном порядке подыскать соответствующую замену рядовому Гендельбергу.

– Замену? – казалось, слова старшего по званию ужаснули Залинтайна. – Замену профессиональному снайперу, проводшему не одну боевую операцию? При всем уважении, господин полковник...

– Достаточно! – Найер жестко ударил кулаком по столу. – Прекращайте этот саботаж, майор! Завтра вечером мы должны выступить в направлении Хулы. Либо к этому времени вы сумеете найти замену Гендельбергу, либо Штурм справится с внешним прикрытием в одиночку. Вам не кажется, что мы и так уделяем этому вопросу слишком много времени?.. Перейдем к планированию, господа. Прошу всех обратить внимание на карту.

Подчиненные Найера загрохотали стульями, придвигаясь поближе к начальственному столу. В руке у полковника неизвестно откуда возник красный маркер. Он разостлал перед собой карту. Влад не рвался в первые ряды, оставшись за спиной лейтенанта Абрамова. Все тонкости предстоящей операции его не интересовали. Для снайпера важны две вещи: место его собственной дислокации и то, с каких флангов будет производиться атака основными боевыми группами. Мысленно Влад был склонен согласиться с доводами Залинтайна. В одиночку без поддержки с противоположной стороны ему трудно будет осуществлять прикрытие. Даже если рядом с ним будут находиться Недлин и Беркович. Схема подступов к деревушке, захват которой планировал полковник Найер, Владу была прекрасно известна. Еще месяца полтора назад они вот так же планировали удержание Хулы перед предполагаемой атакой противника. Арабы оказались ловчее, или попросту удачливее. Удержать деревушку израильской армии не удалось, пришлось отступить. Теперь настал момент для ответного удара. Штурм знал, насколько важна эта позиция с точки зрения дальнейшей логики действий израильских войск.

– Вы выдвинетесь вот в этом направлении, майор, – неспешно, но уверенно вещал Найер, и его маркер при этом вычерчивал красные дуги на разостланной карте. Полковник даже поднялся на ноги, чтобы ему было удобнее делать схематические наброски. – Вас будет прикрывать группа лейтенанта Купера. Ваша задача, Купер, разбить своих людей на два отряда. Один двинется отсюда, а другой останется здесь. Группа Абрамова зайдет с северной стороны. Таким образом, мыотрежем арабам путь к отступлению. Нам нужны пленные. Это относится в первую очередь к вам, майор. Я хочу знать, какими силами располагает неприятель на подходах к Марун-эр-Рас... Рядовой Штурм, – Найер на мгновение вскинул голову и встретился взглядом с Владом. – Ваше место будет вот здесь, с восточной стороны от Хулы. Тут, как вы видите, имеется возвышенность, и таким образом окрестности деревушки будут лежать перед вами как на ладони.

– Далеко не все, господин полковник, – позволил себе негромкое замечание Штурм.

– Верно, – легко согласился Найер. – Кроме северной стороны, в низине. Если майор найдет для нас второго снайпера, мы разместим его с этой стороны, если же нет... Что ж, это не трагедия, господа. Это будет означать лишь одно: что у группы Абрамова появились дополнительные задачи. Вам это понятно, лейтенант?

– Так точно, господин полковник.

Абрамов был предельно сосредоточен. От прежней улыбки на лице не осталось и следа. Лейтенант не отрывал взгляда от движущегося по карте маркера.

– Хорошо, – кивнул Найер. – В таком случае продолжим, господа. Наша основная цель, как вы, вероятно, уже догадались, – это штаб арабских сил, обосновавшихся в Хуле. По данным разведки, они сосредоточились в самом сердце деревушки. Вот здесь, – на карте появился небольшой заштрихованный кружок. – Немного левее того места, где изначально располагался наш штаб... Мы имеем возможность рассчитывать на мирное население Хулы, находящееся под гнетом арабских военных. Об этом также говорилось в разведдонесениях... Так что

попрошу всех быть предельно внимательными и осторожными. Я не хочу, чтобы пострадали ни в чем не повинные люди, которые нам еще могут пригодиться...

Глава вторая

Пистолет дернулся в руке Захир-Наима, но это едва уловимое движение не помешало боевику поразить цель. Он перевел ствол чуть левее и спустил курок еще раз. Тот же результат. Прямое попадание. Третьим выстрелом Захир-Наим промахнулся на «девять часов», и пуля всего лишь чиркнула по корпусу пивной банки, но не опрокинула ее. А вот четвертый и пятый он вновь уложил точно по центру. В целом Захир-Наим остался доволен результатами – так же, как ими остался доволен и Ибтихаж, наблюдавший за упражнениями товарища со стороны.

– Неплохо, неплохо, – с уважением протянул он, вынимая изо рта туго набитую марихуаной папиросу. Две глубокие затяжки укоротили «патрон» почти наполовину. Ибтихаж поднялся и шагнул в направлении Захир-Наима. – Дай-ка теперь я попробую. Поднимешь банки? И заодно поддержи косячок.

Захир-Наим криво усмехнулся. Потуги Ибтихажа подражать ему не вызывали у профессионального бойца ничего, кроме скрытой иронии. Захир-Наим знал, что из всех подчиненных Карам-Фатхи никто не смог бы потягаться с ним в стрелковых навыках. Равно как и в ведении рукопашного боя. Захир-Наим был на хорошем счету у командира. Карам-Фатхи ценил его, уважал и даже, как казалось самому Захир-Наиму, слегка побаивался отчаянного боевика. Подобное положение дел последнего полностью устраивало. Тем более что Карам-Фатхи и даже верный друг его детства Ибтихаж не догадывались о полученном из генерального штаба тайном задании. Захир-Наиму предлагалось приглядывать за своим непосредственным командиром. В руководстве ливанских воинских частей намечались серьезные кадровые перестановки – ситуация обязывала. Захир-Наим рассчитывал на многое, и его не могли обойти вниманием. В том числе и сам генерал...

Он забрал папиросу из рук Ибтихажа, пристроил ее во рту и энергично затянулся.

– Эй-эй! Аккуратнее, брат. Оставь и мне немного.

Захир-Наим ничего не ответил. Не вынимая папиросы изо рта и ощущая, как приятное тепло обволакивает затылок, он прошел к стенду и подобрал сбитые им банки. Ибтихаж ждал, покачивая оружием на весу. На его губах играла самодовольная улыбка человека, готового показать неплохие результаты в стрельбе.

Захир-Наим расставил импровизированные мишени.

– Можешь начинать! – крикнул он Ибтихажу.

– Ты бы отошел, брат.

– Боишься, что ты настолько плох? Перепутаешь меня с пивной банкой?

Ибтихаж равнодушно пожал плечами и вскинул пистолет. Грянул выстрел, и раскатистое эхо взметнулось над окрестностями Хулы. Пуля просвистела выше и правее крайней банки, всего в десяти сантиметрах от лениво покуривавшего Захир-Наима. Ибтихаж витиевато выругался.

– Отойди!

– Попытайся еще раз. Первым выстрелом ты зацепил только молоко. – Захир-Наим откровенно издевался над товарищем.

Ибтихаж не мог видеть его насмешливого выражения лица, но прекрасно слышал полный сарказма голос. Не желая рисковать вторично, ливанец сместил дуло пистолета и прицелился в банку с противоположного от Захир-Наима края. Пистолет выстрелил. Банка осталась на прежнем месте.

Захир-Наим рассмеялся и коротко провел рукой по небритой щеке. Его бронзовое от загара лицо обезображивал тянувшийся через левый глаз кривой шрам. При этом сам глаз арабского боевика задет не был. Захир-Наим славился отличным зрением. Многие поговаривали о том, что он способен видеть даже в полной темноте.

Ибтихаж еще трижды спустил курок пистолета и добился одного-единственного попадания. Банка сорвалась со стенда и покатилась по траве. Захир-Наим остановил ее ногой. Поднял, подбросил в воздух, а затем с разворота нанес удар ногой по летящему предмету. Столбик пепла сорвался с его папиросы.

– Тебе еще многому предстоит научиться, Ибтихаж, – покровительственно произнес боевик, приближаясь к товарищу и забирая у него свой пистолет. – Очень многому. И, кстати, ты мне должен пять патронов.

– Не мелочись, брат.

– Ты мог бы воспользоваться и собственным оружием.

– Твое мне нравится больше.

Ибтихаж опустил на траву и обхватил руками колени. Солнечные лучи запутались в его косматой бороде. Ливанец сощурился. В деревне залаяла собака, и в тот же момент в кармане камуфляжной куртки Захир-Наима зазвонил мобильник. Боевик достал аппарат. Карам-Фатхи порывался выйти на связь со своим подчиненным.

– Слушаю, командир.

– Ты мне нужен, Захир-Наим, – без всяких лишних предисловий заявил собеседник, однако требовательных интонаций в его хриплом баритоне не чувствовалось. – Где ты сейчас находишься?

– Недалеко. Мы с Ибтихажем вышли немного прогуляться.

– Я жду вас в штабе. Есть разговор, Захир-Наим.

– Минут через двадцать будем.

Штабом Карам-Фатхи величал старенький покосившийся домик в центре Хулы. Он и его приспешники заняли это древнее, дышащее на ладан здание сразу же, едва арабские войска выбили из деревни израильский гарнизон. Захир-Наим сам принимал участие в той операции. Однако жить при штабе, как и все верные Карам-Фатхи люди, он отказался. Боевик снял в Хуле отдельный дом, хозяйкой в котором была молоденькая вдова. Захир-Наиму удалось быстро поставить женщину на колени и заставить подчиниться себе. С людьми он, как правило, не церемонился. Да и вообще мало кого считал за полноценных людей...

До нужного места оба мужчины добрались чуть раньше оговоренного по телефону времени. Карам-Фатхи в нетерпении расхаживал по комнате из угла в угол. Рубашка на командире была расстегнута до пояса, и это обстоятельство позволяло окружающим лицезреть золотой кулон в форме полумесяца, прилипший к лоснящейся от пота волосатой груди Карам-Фатхи. Двое близких приспешников наместника ливанской армии занимали скромные места на длинной лавке у дальней стены. Они оба были вооружены черными короткоствольными автоматами. В углу беззвучно работал телевизор, транслируя полуденный выпуск новостей. Диктор вещал о событиях в Пекине.

Карам-Фатхи резко обернулся на вошедших. Его маленькие черные глазки казались неподвижными. Мертвый взгляд мертвого человека. Ибтихаж в нерешительности остановился на пороге. Командир действовал на него, как удав на кролика. Захир-Наим, напротив, никогда не чувствовал ничего подобного. Он везде вел себя, как дома. Поприветствовав товарищей по оружию небрежным кивком головы, Захир-Наим прошел вперед и занял место возле стола. Перед ним оказалась распечатанная пачка сигарет; он молча взял из нее одну и прикурил.

– Что случилось, командир? Плохие новости?

– Плохие, – разохшиеся половицы скрипнули под ногами Карам-Фатхи. – Мы получили сообщение о том, что израильские войска намерены отбить Хулу.

Захир-Наим даже бровью не повел, услышав эту новость. К чему такая паника? Рано или поздно это должно было случиться. Неприятель ни за что не стал бы сидеть сложа руки. Об этом свидетельствовали и недавние события, когда в пустыне был нанесен удар по нескольким арабским группировкам.

– Когда? – Захир-Наим глубоко затаился.

– Это нам неизвестно. В ближайшее время... Они готовятся к атаке. Я уже связался с руководством в Бейруте и получил приказ удерживать объект любой ценой. На поддержку из Марун-эр-Рас рассчитывать тоже не стоит. Израильтяне рвутся через границу, и нашим гарнизонам приходится там несладко. Приблизительно такая же обстановка и в Бекаа Кафра.

– И что? – Захир-Наим лениво пожал плечами. Он слегка повернул голову, и ливанского командира буквально ослепил блеск продольного шрама на лице подчиненного. – Я не вижу никакой проблемы. Нам не нужна ничья поддержка. Мы и так вполне превосходим противника в силах. Или они получили подкрепление?

– Насколько мне известно, нет, – черные глазки Карам-Фатхи сделались еще меньше, превратившись в едва заметные точки.

Телевизионный диктор закончил с зарубежными новостями и перешел к местным. Один из арабских боевиков, занимавших место на лавке, слегка увеличил звук и придвинулся поближе к экрану. Его товарищ остался к выпуску новостей равнодушным. Он внимательно следил за переговорами командира с Захир-Наимом – точно так же, как и продолжавший подпирать дверной косяк Ибтихаж.

– В таком случае расклад сил не изменился, – сделал соответствующий вывод Захир-Наим. Он докурил сигарету, искал глазами пепельницу, не нашел ничего подходящего и швырнул окурки себе под ноги, придавив его к полу носком тяжелого армейского сапога. – Он тот же самый, что и прежде, когда мы атаковали Хулу, а неверные оборонялись.

– Это разные вещи, Захир-Наим, – не согласился ливанский наместник. С глубоким вздохом он сел напротив подчиненного. – Неужели ты не понимаешь? Одно дело – нападать, и совсем другое – защищаться.

– Не вижу существенного отличия.

– А я вижу, – Карам-Фатхи невольно повысил голос, но тут же осекся. – Речь не об отличиях. Речь о другом. Если мы не сумеем удержать Хулу в своих руках, нам этого не простят. Генерал будет в ярости. И не только он – все руководство в Бейруте. Они говорят, что израильские войска повсеместно переходят сейчас к активным действиям. Возможно, это переломный момент, Захир-Наим. Может, конечно, и не так, но... Полетит много голов. Наших голов, – командир сделал широкий жест рукой, подчеркивая тем самым, что речь идет о каждом из присутствующих и не только о них. Затем, помолчав мгновение, Карам-Фатхи решительно добавил: – Мы обязаны усилить оборону. И я хочу, чтобы ты взял этот вопрос на себя, Захир-Наим. Возьми столько людей, сколько тебе понадобится, раздай им то оружие, которое сочтешь нужным. Расставь на позиции, озвучь задачи...

Захир-Наим не смог скрыть улыбки. Так уже было не один раз. Генерал прав, Карам-Фатхи занимает не свое место. Он слишком слаб и недостаточно уверен в себе. Командир обязан принимать решения сам, а не перекладывать ответственность на плечи более способных, чем он сам, подчиненных. По мнению Захир-Наима, это было недостойным поведением. Однако в данной ситуации ему не оставалось ничего иного, кроме как подчиниться. Придет время – и все изменится. Боевик знал это.

– Хорошо, командир, – Захир-Наим пружинисто поднялся. – Я сделаю так, как ты хочешь. Мы не позволим неверным завладеть Хулой. Это наша земля, и мы ее отстоим. Ничьи головы не полетят. Можешь быть спокоен на этот счет.

Карам-Фатхи облегченно перевел дух. Его мрачное и темное, как у метиса, лицо на мгновение озарилось скупой улыбкой.

– Спасибо, Захир-Наим.

Боевик ничего не ответил. Он молча двинулся к выходу, переступил порог комнаты и по пути толкнул застывшего без движения Ибтихажа в плечо. Ливанец покорно последовал за своим другом. Карам-Фатхи провожал их долгим сосредоточенным взглядом...

Оказавшись на улице, Захир-Наим достал из кармана телефон.

– Спустись в низину деревни, – обратился он к Ибтихажу прежде, чем набрать номер. – Найди мне Латифа, Малака и Шакира-Хосни. Я буду держать совет. Встретимся на нашем месте через час. Управишься?

– Управлюсь, брат. Ты можешь всегда и во всем на меня рассчитывать, – с готовностью откликнулся Ибтихаж.

– Я знаю, – Захир-Наим усмехнулся. – Знаю, что ты верный друг, Ибтихаж, и отважный воин. А теперь иди и сделай то, что я тебе сказал.

Потеряв интерес к собеседнику, он уже стучал пальцем по кнопкам мобильного телефона. Боевик отлично знал, что следует делать.

Глава третья

– Володька! Локис! – Штурм крепко обнял своего старого школьного друга, и тот ответил ему тем же. – Ты-то здесь какими судьбами? Нет, я, конечно, чертовски рад тебя видеть. Чертовски! Но как?.. Откуда?..

Эмоции бойца израильской армии били через край. Он даже не мог толком сформулировать вопрос. Шутка ли! После стольких лет разлуки Локис пожаловал к нему в гости. И не куда-нибудь, а на военную ливанскую базу. Когда Владу сообщили, что какой-то молодой человек спрашивает его на пропускном пункте, он не придал этому существенного значения. Мало ли кто это мог быть! Но, спустившись вниз, Влад буквально оторопел, решив поначалу, что его от жары одолели галлюцинации.

– Да вот, приехал тебя навестить, – просто и с улыбкой ответил Владимир. – В отпуске я. В небольшом. Сначала сунулся по тому адресу, который ты мне дал, никого не нашел, а позже выяснил, что тебя не только нет в городе, но и вообще на территории Израиля. Поспрошал нужных людей, навел справки... Найти человека для меня – не такая уж большая проблема, Влад. Этому нас тоже учат.

Штурм рассмеялся.

– Ну, молодец! И что приехал – молодец, и что нашел меня... Ты, кстати, помнится, так и не ответил на мое последнее письмо, сукин сын.

– Прости. Не было времени, – покаялся Локис. – То одно, то другое... Ну, знаешь же, как это бывает?..

– Мне ли не знать!

– Да и, в конце концов, что лучше? Письмо – или я сам?

– Конечно, сам. – Влад огляделся по сторонам и словно только сейчас заметил, где они находятся. – Чего же мы с тобой мнемся на улице? Пойдем, посидим, пропустим по кружечке пива. Тут, я тебе скажу, на удивление отменное пиво. В Ливане тоже можно жить. Пошли, пошли. У меня тоже есть немного свободного времени.

Локис слегка растерялся.

– А куда пойдем? Я тут по дороге видел один захудалый трактирчик. Не Бог весть что, конечно, но...

– Какой трактирчик? – Влад усмехнулся. – Ты в своем уме? У меня есть тут своя каморка, там и упадем, как говорится. Пропуск я тебе мигом оформлю. – Он схватил Локиса за руку и чуть ли не насильно потащил к контрольному пункту. – Сейчас все решим, Володя. А по трактирам тут никак нельзя, друг. Арабские боевики шастают по злачным местам, как голодные шакалы. Обстановка беспокойная...

– И что же? – все еще недоумевал Владимир. – Мы не справимся с тобой с парочкой вражеских боевиков?

– Справиться-то мы справимся, но вот по головке меня за это не погладят. И вообще, хорош выделываться, Локис! Кто у кого в гостях?

– Ну извини...

Соорудить другу пропуск для Влада действительно не составило никакого труда. Минут через пять он уже гостеприимно распахивал перед Локисом дверь в свою отдельную комнату на втором этаже добротного каменного здания, служившего израильским войскам временным штабом. Обстановка помещения была довольно скудной – можно даже сказать, спартанской. Панцирная койка, комод, два стула, стол и ничем не отгороженная душевая кабинка в дальнем углу. По центру комнаты бесхозно валялась спортивная сумка Штурма. Влад поднял ее и бросил на кровать.

– Не апартаменты-люкс, конечно, но жить можно, – прокомментировал Влад. – Все-таки временная военная база. Мы скоро на Хулу выступать собираемся. Может быть, даже завтра. Вот там – да. Можно снять приличное жилье у местных практически за копейки. Да ты садись, Володь, – Влад ногой придвинул стул. – Я сейчас пивка нам органирую, и потолкуем. Эх! Не в удачное время ты пожаловал. Нам бы с тобой в Хайфе встретиться или в Акко. Совсем другое дело, а так... Ну да ничего.

Локис молча приземлился на стул, расстегнул ворот рубашки. В помещении было неимоверно душно, еще хуже, чем на улице, под палящими лучами солнца. Воздух словно замер на месте.

Влад скрылся за дверью, но через пару минут уже вернулся с фирменной упаковкой пива, марка которого Владимиру ни о чем не говорила. Штурм занял место напротив, протянул Локису одну из принесенных бутылок.

– Угощайся. Качество и впрямь отменное. Не пожалеешь. – Он сорвал пробку с собственной бутылки и тут же сделал жадный, внушительных размеров глоток. Лицо Владислава как-то мгновенно порозовело. – Хорошо! А что касается улиц, Володя, дело тут не только в значных местах и схватках с арабами. У нас недавно с пацанами случай был. Не в этих местах, правда, а когда мы стояли лагерем под Марун-эр-Рас. Хлопнули так же по пивку и решили втроем до города прошвырнуться. Не то чтобы с целью, а так, знаешь... свежего воздуха глотнуть. Сумерки уже были, жара спала. Ну, идем, прикалываемся, настроение хорошее; как вдруг Саня возьми да и растянись прямо по центру улицы. Мы думали, это его с пива так разобрало, что уже и на ногах удержаться не может. Смеясь, помогли подняться, а он бледный, как смерть, хмель из башки выветрился, дрожащим от волнения пальцем под ноги нам указывает. Я глянул – едрит твою налево! Проволока натянута.

– Минное поле, что ли? – догадался Локис, тоже отхлебывая глоток из своей бутылки. Вкус незнакомого прежде напитка действительно оказался ему по душе.

– Оно самое, – Влад кивнул. – По всей улице эти проволочные растяжки установлены. Думаешь, я привираю? А вот хрен ты угадал! Руку даю на отсечение. Через пару штук мы как-то умудрились переступить, а вот третья Саню-то и поймала. Я сам до сих пор понять не могу, как он жив остался. Чего-то там перемудрили арабы, видать, вот их ловушка и не сработала. Чудом спасся, ей-богу! Ощущение, говорит, такое, будто второй раз заново родился. Могу себе представить! Я и сам струхнул, скажу тебе по секрету. Одно дело, когда сталкиваешься с противником во время боевой операции, а другое дело – вот так, с врагом, которого не видишь... В общем, мы бочком, бочком – и обратно в лагерь. С тех пор просто так по Ливану не шастаем. Ну его на хрен, Володя! И тебе не советую.

– Урок усвоил, – улыбнулся Локис.

Пиво оказалось крепким и быстро сделало свое дело. Владимир почувствовал приятное тепло, медленными волнами разливавшееся по всему телу. Он вольготно откинулся на спинку стула.

– Ты лучше другое расскажи, Влад. Почему до сих пор воюешь? Ты же вроде в последнюю нашу встречу говорил, что завязываешь. В Америку собирался к предкам перебраться, в Бруклин... Они ведь у тебя там якорь бросили?

На лицо Штурма набежала мрачная тень, и Владимир не мог не заметить этой перемены. Насторожился. Неужели что-то не то спросил? Неужели чем-то расстроил старого школьного друга?

Влад потянулся за сигаретами. Вынул одну из пачки, предложил Локису, но тот отрицательно покачал головой. Израильский боец неспешно закурил.

– Там, – с грустью бросил он. – Они уже лет пять там. Обосновались, пообжились. А я... У меня не заладилось, Володь.

– Почему? Что случилось?

– Это тоже та еще история, – на мгновение лицо Штурма скрылось за сизыми клубами дыма, но он тут же разогнал их рукой. – Ты ведь помнишь, как я поначалу служил? Дважды дезертировал, дважды оказывался в тюрьме...

– Помню, – подтвердил Локис. – Ты рассказывал.

– Ну вот... Эти две судимости мне и припомнили, когда я в Штаты лыжи навестил. Перебраться туда оказалось делом нелегким. Вот в любую другую страну – пожалуйста. В Канаду, например, – Влад грустно усмехнулся. Достал изо рта сигарету, сделал очередной глоток пива и вновь пристроил ее на прежнем месте. – Туда даже визы, как выяснилось, не нужно. Все равно, как из Балашихи в Москву, или вон в Египет. На трамвае доехать можно, в буквальном смысле слова. Не веришь?

– Ну почему? Верю, – откликнулся Локис.

Все это его друг рассказывал еще в прошлый раз, когда наведывался в Москву. Владимир знал и про его судимости, и про фиктивный брак на Кипре, и про убийство араба, которого Штурм застал во время самоволки в постели своей молодой жены... А вот про Америку Влад до сих пор как-то не заикался. То ли не было удобного случая, то ли все это произошло с ним значительно позже.

– В общем, кататься – не хочу, – израильский боец поправил воротничок рубашки и пыхнул сигаретой. – Сколько душе угодно. А в Америку ни ногой. Я ведь и вещи уже собрал, и контракт разорвал, и с родителями созвонился... Виза вроде в порядке была. А на границе меня сцапали. Нелегал, говорят. Я им доказываю, что никакой я не нелегал, а к родителям в гости еду, так не поверили, суки. Подняли на меня досье, докопались до судимостей – и под арест. очередной суд. Причем родители мои тоже в процессе участвовали. По телевизору.

– Как это? – искренне удивился Локис.

– Телемост. Я с адвокатом и под конвоем в гостиничном номере в Канаде, а родители – в зале заседания в Штатах. Только так мне с ними пообщаться и удалось. Не считая телефонных переговоров. – Владислав встретился глазами со своим школьным другом и усмехнулся. – Думаешь, я шучу?

– Да нет... Какие уж тут шутки? – Локис сокрушенно покачал головой, представив себе всю ту ситуацию, о которой рассказывал Штурм. – И чем дело кончилось? Суд, я имею в виду? Так и не пустили?

– Ну, раз я тут, значит, не пустили. Да ты пей, Володь. Пиво хорошее. – Влад в несколько глотков прикончил свою бутылку и тут же взял из упаковки новую. Зубами сорвал крышку. – Я вынужден был вернуться в армию. Контракт со мной без проблем возобновили. А что? Хорошие бойцы им нужны, в особенности снайперы. Я же снайпер, Володь.

– Да помню я, такое не забывается.

– Месячишко-другой, правда, порыпался, – продолжил Штурм после непродолжительной паузы. – А потом понял всю бесперспективность своих попыток попасть в Бруклин. Добрые люди разъяснили.

– Почему «бесперспективность»?

В сравнении с собственной жизнью, которую Локис и так-то считал невыразительной, проблемы друга показались ему как минимум на порядок выше. А ведь ни один из них в школе и помыслить не мог ни о чем подобном. Служба по контракту! Шутка ли! Разница заключалась лишь в том, что они воевали за разные страны. Не против друг друга, правда, и то хорошо. Хотя еще неизвестно, как может в будущем сложиться политическая обстановка...

Влад докурил сигарету, небрежно швырнул ее себе под ноги и раздавил носком ботинка.

– А какие тут перспективы, Володь? – ответил он вопросом на вопрос. – Ну, суди сам. Чернорабочий в Израиле получает штуку баксов в месяц. Где бы ты ни горбатился. Пособие по безработице – семьсот баксов. То есть, по сути, выходит, что ты вкалываешь за жалких три сотни. Верно?

– Верно, – машинально согласился Владимир.

– А кому это, спрашивается, нужно? Понятное дело, что никому. Значит, нужно высшее образование, – Штурм активно налегал на пиво. Казалось, что своим рассказом он в первую очередь распаляет самого себя. – Так ты пойди еще и получи его с двумя судимостями! Вернее, уже с тремя. Все дороги для тебя закрыты... А потом, после общения с теми самыми добрыми людьми, о которых я упоминал раньше, выяснилось, что курчаво жить в Израиле могут себе позволить только три категории людей. Три профессии в ходу, одним словом. Это актеры, – Влад принялся загибать пальцы перед лицом товарища, – адвокаты и... как ты думаешь, кто?

– Не знаю, – честно признался Владимир.

Дышать в тесном закрытом помещении после трех выкуренных Владом подряд сигарет становилось все труднее и труднее. Локис испытывал откровенный дискомфорт. Но и уйти он не мог. Не станешь же прерывать друга в самой середине повествования. Оставалось только терпеть. Терпеть и надеяться на то, что Владу тоже захочется выйти на улицу, глотнуть свежего воздуха. Пока этого не происходило.

– Военные. Вот третья категория! – Штурм поднял вверх указательный палец. – Так чего же, подумал я, менять шило на мыло? Какой смысл? Вот и вернулся в регулярные войска. Сразу же окончил курсы снайперов – и вот я уже в элите. Миссии, конечно, посложнее – например, как вот эта, в Ливане, – но и на хлеб с маслом хватает. Даже с избытком, я бы сказал... Да что я тебе рассказываю? – Влад беспечно махнул рукой и тут же широко улыбнулся. В зубах у него к этому моменту красовалась новая сигарета. – Ты ведь и сам все это знаешь не хуже меня. Ты ведь тоже контрактник. Или завязал?

– Пока еще нет. Служу помаленьку.

– Так что же я все о себе да о себе, – спохватился Влад. Он придвинулся поближе к Локису и дружески опустил тяжелую ладонь на плечо товарища. – Ты о себе лучше расскажи, Володь. Как ты? Что ты? Какие новости?

Владимир слегка замялся. В отличие от своего старого друга он никогда не страдал многословием. И, в принципе, не очень-то любил что-либо рассказывать о себе и о своей жизни. Не из скромности, нет, а в силу того, что считал, что и рассказывать-то ему особо нечего.

– У меня все по-прежнему, Влад. Работа, дом, работа. Принципиально никаких изменений. Причем работы, как правило, больше. В последнее время пришлось изрядно помотаться по свету, – Локис скрестил на груди руки. – Где только не пришлось повоевать! Чечня, Черногория, Афганистан... Всего понемногу, короче.

– А мать как?

– Слава Богу, жива-здоровая пока.

– Это хорошо, – резюмировал Влад. – Здоровье родителей – это первое дело. Она до сих пор так и не знает, чем ты занимаешься?

– Нет, – Локис покачал головой. – А зачем ей какие-то подробности? Лишние нервы только.

Он действительно никогда не рассказывал матери о своей нелегкой службе. Анна Тимофеевна считала, что ее единственный сынок состоит при воинском складе. Спокойное местечко, без риска для жизни. Локис был противен сам себе, когда приходилось лгать близкому человеку, но другого варианта у него не было. Он считал это правильным.

– Я чертовски рад тебя видеть, Володя, – Влад по-прежнему обнимал его за плечи. – Ты уж извини, что вот так пришлось встретить тебя... Ну да ничего. Это временные трудности. Ты ведь не на один день приехал?

– Нет.

– Вот и славно, – Влад допил пиво. – Просто я сейчас с базы даже на полдня вырваться не могу. На завтра спланирована операция. А вот потом... Я возьму увольнительную, и мы сможем с тобой к морю. Я тебе такие интересные места покажу!.. Морепродукты попробу-

ешь. Это, конечно, у нас не считается кошерной пищей, но для туриста вроде тебя самое то будет. Ты остановился-то где?

– В гостинице. В Бекаа Кафра.

– Это недалеко. Будешь еще пива? – Штурм протянул другу бутылку.

– Нет. С меня хватит, – отказался Владимир. – А что за операция назначена на завтра?

– «Буря в пустыне», – рассмеялся Влад. – Однако, заметив недоумение на лице собеседника, израильский боец пояснил: – Да шучу, брат, шучу. Обычная операция с целью захвата стратегически важного объекта. По местным понятиям, разумеется. О девушке Хула когда-нибудь слышал?

– Нет.

– Вот и я раньше не слышал. А теперь довелось. – Штурм «присосался» к горлышку пивной бутылки. Его огромный кадык быстро задвигался вверх-вниз, после чего Влад отер губы рукавом рубашки. – До этого Хула была оккупирована нашими войсками, но потом арабы нас выбили. Настал черед ответного хода... И знаешь, что самое дерьмовое, Володя? Сколько лет назад я уехал из России?

Столь неожиданная смена темы разговора на мгновение сбила Локиса с толку. От табачного дыма начинала болеть голова. Он наморщил лоб, припоминая, в каком году они с Владом окончили девятый класс.

– Семь лет.

– Семь годков – эхом повторил вслед за ним Штурм. – Я уже семь лет лишен такого простенького и элементарного понятия, как «дом». Для меня это пустой звук, старик. Мотаюсь, прости Господи, как... кое-что в проруби... Без угла, без крыши. Дом!.. Я в принципе забыл, что это такое. Ни друзей толком, ни родителей... Один. Все время один, не считая чертовой винтовки.

– Влад...

– Не говори ничего, – поморщился Штурм и тут же отодвинулся от Локиса вместе со стулом. Бросил окуроч на пол, тушить не стал, закурил новую сигарету. Потянулся за пивом. – Извини меня, конечно, но что бы ты ни сказал, Локис, легче мне от твоих слов не станет. Все это слова... На меня просто накатило. Такое случается. Не бери в голову. Сам-то женился, поди?

– Нет еще. Все как-то недосуг.

Влад снова рассмеялся. Очередная бутылка пива в его руке опустела как по мановению волшебной палочки.

– Вот тут ты прав, Володя. Не до сук! Все они – суки, если по большому счету разбираться. Я-то вот со своей разошелся после того случая, а как вспомню, до сих пор передергивает. И главное, если бы она, стерва, изменила мне с нашим братом – это бы еще куда ни шло. Но с вонючим арабом!.. Сука, одним словом!

– До сих пор не можешь ее простить? – обронил Локис и тут же пожалел о своей неуместной реплике.

Глаза Штурма гневно вспыхнули.

– А ты бы смог? Это, может быть, еще одна из причин, по которой я воюю. Чем больше перешелкаю арабов, тем лучше. Я поначалу даже засечки на прикладе винтовки делал, а потом надоело. Разве уместить столько засечек? – Он махнул рукой. – Да черт с ними со всеми, Володь! Ты не подумай. Женоненавистником я не заделался. У меня даже сейчас складываются забавные отношения с одной девушкой. Сама-то она израильтянка, но проживает здесь, в Ливане. Недалеко от Бейрута, километров сто, наверное. Я навещаю ее к ней время от времени. Но о серьезных отношениях говорить рановато. Я не готов еще. Присматриваюсь. Понимаешь меня?

– Понимаю. Влад, ты не хочешь немного пройтись? – Терпение Локиса иссякло. – У тебя тут душно.

– Прогуляться? – Штурм вскинул голову. Он был уже изрядно «под мухой», и Владимир не мог не заметить этой существенной перемены. Израильский боец с трудом фокусировал взгляд. Он словно смотрел не на собеседника, а сквозь него. – Прогуляться можно. Заодно к Маркычу заглянем, разживемся еще пивком. Не так уж тут и плохо... Можно существовать вполне сносно, Володя.

– Я в этом и не сомневался.

Локис предпринял попытку помочь другу подняться на ноги, но Штурм со смехом отбросил его руку. Пружинисто оттолкнулся от сидения и самостоятельно принял вертикальное положение. Сигарета сорвалась с его нижней губы и упала на пол. Влад не обратил на это ни малейшего внимания. Легонько ткнув Локиса кулаком в плечо и при этом подмигнув ему, он вразвалочку двинулся к выходу. Локис молча последовал за товарищем.

Не так он представлял себе встречу с Владом. Совсем не так. Да и тот вел себя совершенно иначе, нежели во время кратковременного визита в Москву. Видно, и впрямь Штурму остро не хватало ощущения домашнего уюта. Владимир испытал жалость по отношению к другу. Он знал, что должен как-то помочь ему, но никакое решение на ум пока не приходило.

– Не возвращайся сегодня в Бекаа Кафра, – сказал Влад, когда они оба уже были на улице. – Оставайся у меня.

– Хорошо, – согласился Локис. – Остаюсь.

* * *

Утром Штурм предстал перед товарищем совсем в ином свете. От вчерашнего пессимистического настроения не осталось и следа. Более того, по внешнему виду израильского бойца невозможно было даже сказать, что этот человек накануне вечером выпил не один литр пива. Влад был строен, по-военному подтянут, без тени отечности на лице.

Локис привык вставать рано, но к тому моменту, когда он проснулся, его друг уже красовался перед зеркалом, тщательно выскребывая щетину на лице. Штурм был облачен в военные брюки, а его рубашка и легкая камуфляжная куртка висели на спинке стула. Рядом на краешке стола примостился пятнистый берет. Влад что-то негромко насвистывал себе под нос. Он явно находился в прекрасном расположении духа. Локис не мог не подивиться столь резкой перемене.

Влад поймал его отражение в зеркале и обернулся. Правая щека была скрыта под густым слоем пены.

– Как спалось? – Влад широко улыбнулся.

– Сносно. Мне приходилось спать и не в таких условиях.

– Знаю, – Штурм вновь повернулся лицом к зеркалу, но при этом продолжал общаться с отражением Владимира. – Ты не держи на меня зла за вчерашнее, – без тени какого-либо смущения покаялся он. – И не принимай близко к сердцу. Со мной такое нечасто случается. Я бы даже сказал, крайне редко. Ты приехал, на меня нахлынули воспоминания, ну и выплеснулось все наружу – как-то само собой...

– Я тебя понимаю. – Локис резким движением поднялся с кровати и начал одеваться.

Вчера вечером Влад уступил ему свое спальное место, а сам расположился на полу. После похода к Маркычу за пивом разговор уже как-то не клеился. У обоих от выпитого потяжелели головы, и говорить о чем-то серьезном просто не было сил. Штурм пил молча, сосредоточенно, с каким-то внутренним ожесточением, а затем рано лег спать. Локис тоже позволил себе еще одну бутылку пива, но, заняв место на кровати, больше часу проворочался без сна. Из головы упорно не желало выветриваться все то, чем с ним поделился друг. Владимир и сейчас думал

об этом, невзирая на заверение Штурма, что его вчерашнее поведение не стоило рассматривать всерьез...

Влад закончил бриться и вытер лицо полотенцем. Убирая в сумку бритвенные принадлежности, он попутно закурил сигарету. Падавший из окна солнечный свет отбрасывал блики на его крепком мускулистом торсе.

– Операция назначена на двенадцать часов, – сказал израильский боец, сидя на корточках в центре тесной комнатухи. – С базы мы выдвинемся в одиннадцать. Я бы на твоём месте остался здесь, Володь. Если все пройдет успешно, переедешь вместе со штабом в Хулу. Я тебя там встречу. Подпишу увольнительную, и тут же двинемся к морю, как вчера и договаривались. Может, наведаемся в Бейрут, и я познакомлю тебя с Лидой.

– С девушкой, о которой ты вчера рассказывал?

– С ней, – Влад коротко кивнул, распрямился и взял со спинки стула рубашку. – Если она тебе понравится, женюсь. Честное слово.

– То есть мое мнение в этом вопросе будет решающим? – не без улыбки парировал Локис.

Однако Штурм оставался вполне серьезным.

– Да. Я тебе доверяю больше, чем себе. – Он уже застегивал пуговицы. – Ну, а если арабы отобьют нашу атаку – чего, конечно, не хотелось бы, – я вернусь сюда, на базу. Дальше – сценарий прежний. Так как, Володь? Подождешь?

– Ну давай, подожду, – согласился Локис. – Хотя не в моих правилах, как ты знаешь, маяться на месте.

– Потерпи, я быстро. На все про все часа три от силы. Чай пить будешь?

– Лучше кофе.

– Кофе у меня нет, извиняй, – Штурм подсел к столу и дважды пыхнул сигаретой, столбик пепла упал ему на колени. – Только чай.

– Хорошо. Пусть будет чай.

Все необходимое для скудного армейского завтрака было уже на столе. Локис не мог себе представить, в котором часу поднялся его друг, успев сделать за утро так много. И при этом Влад умудрился не разбудить его. А ведь сон у Локиса был очень чутким...

Чаевничали молча, каждый был погружен в собственные мысли. Влад внутренне настраивался на предстоящую под Хулой операцию, а его российский друг предпочитал не мешать этому процессу. Он сам знал, насколько важно перед боем собрать свои мысли в кулак. Локис в который уже раз поймал себя на том, что они с Владом во многом похожи. Он узнавал в школьном товарище самого себя. В неторопливых уверенных движениях, в напряженном взгляде, в сосредоточенно наморщенном лбе. Влад был уже не здесь. Он весь находился там, на боевой позиции, ища перекрестьем прицела живую вражескую мишень. Работа военного мало чем отличается от любой другой – ты настраиваешься на нее задолго до начала. Все это было Владимиру хорошо знакомо...

Штурм отодвинул от себя опустевшую чашку, потрогал ладонью гладко выбритый подбородок и машинально потянулся к раскрытой пачке сигарет.

– Я должен заняться винтовкой, – сказал он, щелкая зажигалкой. – Не дай Бог, чтобы в самый ответственный момент подвела какая-нибудь случайность.

Локис с трудом сдержал улыбку. В этом они тоже были похожи. Владимир также предпочитал проверять оружие загодя. Досадная ошибка при выполнении той или иной задачи могла стоить жизни и тебе самому, и боевым товарищам, которые полагались на твой профессионализм. Он молча кивнул. Штурм встал из-за стола. Однако заняться винтовкой прямо сейчас он так и не успел.

Дверь в комнату без стука отворилась, и на порог шагнул высокий сухошавый мужчина в такой же камуфляжной куртке, как и у Влада. В широкие кустистые брови, так же как и в короткий «ежик» на голове военного, вплетались тонкие ниточки седых волос. Мужчина не

стал закрывать за собой дверь. Штурм обернулся и, заметив вошедшего, моментально вытянулся по стойке «смирно». Автоматически, по привычке, Локис тоже поднялся на ноги.

– Здравия желаю, господин майор! – бодро отрапортовал Влад.

Залинтайн устало махнул рукой, прошел вперед и без приглашения подсел к столу. Его пустой отсутствующий взгляд остановился на тарелке с мелко нарезанными лимонными дольками.

– Вольно, рядовой. Я пришел к тебе не как к подчиненному, а как к товарищу по оружию. Посоветоваться мне с тобой нужно, Влад.

Штурм покорно занял место напротив.

– Слушаю вас, господин майор.

Залинтайн с подозрением покосился в сторону Локиса, но Влад тут же успокоил майора, ответив на не высказанный вслух вопрос:

– Можете говорить смело. Кстати, познакомьтесь... Владимир Локис, мой близкий друг. Я ручаюсь за него, как за себя самого. К тому же он уже в курсе предстоящей операции. Я хотел просить руководство отправить Владимира со штабом в Хулу, когда мы зайдем вражескую территорию...

– Если зайдем, – живо откликнулся Залинтайн, и его сухощавое лицо сделалось еще мрачнее. – Если, рядовой Штурм. А это большая разница!

– Прошу прощения, господин майор.

– Об этом я и хотел с тобой поговорить, – одним резким движением Залинтайн решительно сдвинул тарелку с дольками лимона на край стола. – У меня до сих пор имеются серьезные сомнения в плане, предложенном полковником Найером. Поначалу я думал посоветоваться на эту тему с Абрамовым как с непосредственным руководителем группы прикрытия, но потом отказался от этой мысли. Куда больше меня интересует твое мнение, Влад. Мнение высококлассного специалиста...

– Вы мне льстите, господин майор, – Штурм улыбнулся.

– Ничуть, – Залинтайн, напротив, остался предельно серьезен. – Ты – снайпер. Точно такой же, как и ныне покойный Саша Гендельберг... Нам будет сегодня не хватать его группы и его винтовки. Ты с этим не согласен?

– Так точно, господин майор, – вынужден был признать Влад, – согласен. Но накануне боя о погибших я бы не вспоминал. Как говорят у нас в России, сглазить можно.

Он засмолил очередную сигарету. Залинтайну угоститься из пачки рядового предложено не было. Локис скромно отошел в угол комнаты и занял место на еще не заправленной кровати. К разговору двух мужчин за столом он старался не прислушиваться, но тесное замкнутое пространство помещения не позволяло игнорировать его вовсе.

– Вот я и хотел тебя спросить, Влад, – продолжил майор. – Только честно... Ты действительно уверен, что сможешь справиться в одиночку?

– Я...

– Честно, Влад!

– Ну, если честно, – Штурм пожал плечами, – то не уверен. Передо мной поставлена задача, и я...

– Вот! – майор не стал слушать дальнейших рассуждений рядового. – Этого я и опасался! Это-то и тяготит меня больше всего, Влад. Нам необходимо занять две точки, но сколько я ни втолковывал это Найеру, он и слушать ничего не хочет. Без двух снайперов вся операция заранее обречена на провал. Для меня, как для лица, ответственного за операцию, это вполне очевидно...

Штурм повернул голову и встретился глазами с сидящим на кровати Локисом. Зрачки израильского бойца азартно блеснули. Владимир моментально прочел ход мыслей старого школьного друга. Он хотел было протестующе вскинуть руку, но опоздал.

– Кажется, я знаю, как нам выйти из этой непростой ситуации, господин майор! – уверенно заявил Влад.

– Что? – Залинтайн осекся на полуслове, так и не закончив начатой фразы. – Вы что-то предлагаете конкретное?

– Да, – Штурм вынул изо рта сигарету.

– И каким же образом?

– Мы найдем второго снайпера!

Локис поднялся с кровати, но, видя, насколько серьезно настроен Влад, тут же опустился на прежнее место и сокрушенно покачал головой. Судя по всему, его небольшой отпуск вот-вот грозит превратиться в маленькую войну, да еще на чужой территории...

Залинтайн грустно усмехнулся.

– Это невозможно, Влад. Я уже прокрутил в голове все возможные варианты и... Ничего! Ситуация патовая. У нас осталось два часа до начала выдвижения на боевые позиции.

– И тем не менее выход есть, господин майор! – убежденно заявил Влад, прерывая командира и тем самым нарушая субординацию. Его буквально распирало от желания поделиться своей идеей. – Так же, как и есть второй снайпер. Позвольте внести предложение.

Впервые за все время разговора Залинтайн поднял голову. Его широкие кустистые брови сомкнулись над переносицей.

– Вносите, рядовой, – из боевого товарища майор мигом превратился в командира.

– Мой друг Владимир Локис, – Штурм кивнул в направлении гостя. – Такой же контрактник, как и я сам. Сейчас он находится в краткосрочном отпуске. Приехал повидаться со мной. Но... Мы можем попросить его согласия на участие в предстоящей операции как второго снайпера. Я уверен во Владимире и его профессионализме, господин майор. За него можно ручаться.

Влад говорил настолько уверенно, словно Локис уже дал свое добро. Его интересовало только мнение Залинтайна. Российский боец-контрактник грустно усмехнулся. Похоже, что выбора ему не оставили. Как говорится, «без меня меня женили». Конечно, по большому счету, Локис не имел ничего против того, чтобы оказать содействие своему старому другу, если Влад нуждался в его поддержке... Тем более что ничего сверхсложного, как он понял, и не требовалось. Осуществить внешнее прикрытие. Подобные задачи Локис выполнял бесчисленное количество раз. Одной больше, одной меньше...

Залинтайн повернулся в его сторону. Видно было, что предложение Штурма не вызвало в нем моментального приступа оптимизма. Перед майором находился человек, которого он совсем не знал. Более того, видел впервые в жизни.

– Вы принимали участие в подобных операциях? – спросил он Локиса.

– Принимал.

– В качестве снайпера?

– И в качестве снайпера тоже, – уверенно ответил Владимир.

Майор покачал головой.

– Не знаю, не знаю. Оно, конечно, гладко вышло бы, но...

Ни Штурм, ни Локис не произнесли больше ни слова. Залинтайн должен был принять столь важное решение самостоятельно. Майор расстегнул молнию на куртке и еще раз с сомнением покосился на русского. Вся внутренняя борьба отразилась у него на лице.

– Полковник Найер этого не одобрит, – буркнул он себе под нос.

– При всем уважении к господину полковнику... – Штурм улыбнулся. – Я считаю, что нам совершенно не обязательно ставить его в известность об этих маленьких изменениях. Об участии Локиса в предстоящей операции будем знать только мы с вами. Ну и, естественно, придется предупредить лейтенанта Абрамова.

Глаза майора азартно блеснули. Штурм знал, что Залинтайн всегда был и останется военным человеком, что бы там ни происходило в его жизни. А следовательно, и успех задания стоял для него на первом месте. Идея чем дальше, тем больше приходилась майору по душе. Влад решил еще немного подтолкнуть его.

– Так или иначе, полковник Найер возложил руководство на вас, господин майор.

Залинтайн резко поднялся на ноги и развернулся лицом к Локису. Владимир вытянулся по стойке «смирно». Он умел отличать начальственный взгляд от простого взгляда заинтересованного человека.

«И зачем я вмешиваюсь?» – мгновенно пронеслась в голове российского бойца-контрактника мысль, которую Локис тут же отогнал прочь.

– Мы попробуем использовать вас в качестве второго снайпера, рядовой Локис, – выдал свое решение Залинтайн.

Владимир коротко кивнул.

– Сержант, господин майор... Постараюсь оправдать как ваше доверие, так и доверие моего друга.

– У вас есть карта, Штурм? – не оборачиваясь, спросил майор.

– Так точно.

Все движения Влада сделались быстрыми и четкими. Он словно уже приступил к исполнению возложенных на него боевых задач. Тарелки и пустые чашки были немедленно сдвинуты в сторону, и их место на столе заняла девственно чистая, без единой сделанной вручную пометки карта. Штурм аккуратно расправил загнутые края. Залинтайн поближе придвинул стул. Жестом пригласил Локиса. Российский боец-контрактник молча повиновался. Все обозначения на карте были сделаны по-английски. Но Владимир прекрасно владел этим языком. Палец майора решительно двинулся по глянцевой поверхности.

– Это Хула, – коротко проинформировал он русского бойца. – Я не стану объяснять вам, насколько важна для нас эта ливанская деревушка в качестве опорного пункта противника. Подобные детали вам знать не обязательно. Ваша задача, сержант, – прикрытие. Точно так же, как и задача вашего друга, – Залинтайн сделал едва заметный кивок в сторону расположившегося у него за спиной Штурма. – Разница будет заключаться в месте вашей дислокации. Вам надлежит разместиться здесь и держать под прицелом подход с северной стороны. По этому направлению двинется минимальная группа атакующих. Поддержка вам не понадобится. Будете действовать в одиночку. Обо всем остальном позаботится Штурм и его люди. Вопросы?

Локис с трудом удержал улыбку. По краткости изложения инструктаж майора мог бы побить все мыслимые рекорды. Впрочем, Залинтайн имел полное право не доверять русскому наемнику. У Владимира не было и тени обиды на офицера. Он принимал правила игры такими, какие они есть.

– Только один, господин майор.

– Какой?

– Я должен самостоятельно занять обозначенную позицию или я буду на нее доставлен?

– Вас доставят, – Залинтайн отодвинул от себя карту.

Незаметно для майора взгляд Локиса встретился со взглядом своего старого школьного товарища. Штурм подмигнул ему и продемонстрировал оттопыренный большой палец. Это означало только одно: Влад сам разъяснит ситуацию позже. Все, что сочтет нужным. Локис кивнул.

* * *

– Со мной пойдет только Латиф.

Взгляд Захир-Наима был холодным и неподвижным, как у кобры, изготовившейся к решительному смертоносному броску. Свесившиеся с топчана босые ноги едва касались грубо сколоченного дощатого пола хижины. Пистолет покоился в полуметре от Захир-Наима, и араб мог дотянуться до заветной рифленой рукоятки в считанные секунды. Впрочем, в настоящий момент в этом не было необходимости. Захир-Наим мог чувствовать себя в полной безопасности. Рядом с ним находились исключительно проверенные и надежные люди. Все четыре ливанских боевика, двое из которых и вовсе были уроженцами Хулы, стояли перед Захир-Наимом навтыжку. Он был для них командиром и пользовался у этих людей куда большим авторитетом, чем сам Карам-Фатхи.

– Я тоже могу пойти с тобой, брат, – негромко подал голос Ибтихаж, легонько качнувшись взад-вперед на носках запыленных армейских ботинок. – Втроем будет надежнее...

– В этом нет необходимости, – все так же холодно парировал Захир-Наим. – Они разместят на взгорье всего одного снайпера. В худшем случае при нем будет два человека в качестве поддержки. Для этого я и намерен взять с собой Латифа. В противном случае я справился бы и один, – откровенная гримаса презрения к своим соплеменникам на мгновение исказила лицо араба. – Что же касается тебя, Ибтихаж, мы, кажется, уже приняли определенное решение. Ты вместе с Шакиром-Хосни возглавишь основной фронт сопротивления. Без снайперской поддержки захватчикам будет крайне затруднительно противостоять мощи ваших людей. Малак возьмет на себя подход с северной стороны.

– Там у них тоже может быть снайпер, – свистящим шепотом человека, получившего когда-то ранение в горло, включился в дискуссию низкорослый боец с плотно прижатыми к черепу и слегка деформированными ушами.

– Об этом можешь не беспокоиться, Малак, – успокоил своего человека Захир-Наим. – Прорыв с севера будет чисто символическим, я в этом уверен. Основные свои силы захватчики бросят с других сторон. Но это уже не наша проблема. Карам-Фатхи тоже придется потрудиться. Мы займемся лишь тем, о чем я вам уже сказал.

– У меня есть один вопрос, брат, – заявил Ибтихаж, выдержав небольшую паузу.

Однако Захир-Наим на его слова никак не отреагировал. Внимание араба переключилось на что-то другое. Он резко выпрямился, прислушиваясь, быстро приложил указательный палец к губам, а затем рывком поднялся с топчана. Босые ноги почти беззвучно прошлепали к выходу из комнаты. Захир-Наим распахнул дверь, дернув ее на себя. Стоявшая с противоположной стороны рыжеволосая девушка не смогла удержать равновесия и ввалилась внутрь, испуганно вскинув глаза на нависшего над ней Захир-Наима. Араб криво ухмыльнулся.

– Подслушиваешь? – по-змеиному прошипел он. Девушка, от страха не в силах что-либо ответить на его прямой вопрос, отчаянно замотала головой. Она хотела было подняться на ноги, но Захир-Наим грубой потрескавшейся подошвой придавил ее голову к полу.

– Латиф, Ибтихаж! Возьмите ее!

Ливанцы послушно исполнили приказание своего неформального лидера. Им и в голову не пришло бы ослушаться распоряжений Захир-Наима. Рыжеволосую рывком поставили на ноги. Араб пристально взглянул в ее глубокие, как омут, черные глаза и в течение некоторого времени сосредоточенно молчал. Девушка была бледнее покрывающей топчан грязной простыни. Ее губы испуганно подрагивали.

Захир-Наим схватил свою неожиданную пленницу за подбородок.

– Что ты слышала? – грозно спросил он. – Говори при всех!

Рыжеволосая продолжала молчать. Она лишь испуганно вращала глазами, словно рассчитывала каким-то образом отыскать несуществующий выход из той ситуации, в которой она оказалась. На улице в отдалении протяжно завывала собака.

– Что ты слышала? – повторил свой вопрос Захир-Наим.

Его зрачки недобро блеснули, и уже в следующую секунду он нанес ей короткий хлесткий удар в голову. Кулак впечатался в нос девушки. Брызнула кровь. Несколько алых капель угодили Захир-Наиму на запястье, он с нескрываемым чувством безгливости вытер руку об огненные волосы своей пленницы. Девушка негромко заскулила.

Захир-Наим отпустил ее и сделал шаг назад.

– Терпеть не могу шпионов, – глухо произнес он, не столько обращаясь к кому-то из присутствующих, сколько к самому себе. – На любой войне нет ничего хуже, чем шпионы. Даже враг не так страшен, как эти безмозглые твари...

– Что будем с ней делать, брат? – спросил Ибтихаж.

Он до боли стиснул стальными пальцами хрупкое плечо девушки. Та слегка согнулась, но не пыталась вырваться.

– А что еще нам остается? – Захир-Наим усмехнулся. – Шпионов нужно уничтожать, Ибтихаж. Выжигать каленым железом.

В руке араба появился слегка загнутый армейский нож с характерными зазубринами по левому краю. Он перекинул его с ладони на ладонь. Девушка испуганно наблюдала за его действиями. Точно так же как за ними, не отрываясь, наблюдали и подручные Захир-Наима. Латиф кровожадно облизал губы, свободной рукой ухватил пленницу за волосы и резко оттянул ее голову назад, обнажая смуглое тонкое горло. Захир-Наим приблизился. В его взгляде не было злости или агрессии. В нем не было теперь даже презрения по отношению к потенциальной жертве. Глубоко посаженные глаза араба не выражали ровным счетом ничего. В эту секунду он просто выполнял необходимую работу. Делал то, что считал нужным.

Острие ножа коснулось маленькой впадинки на шее рыжеволосой девушки. Она уже не скулила. По округлым щекам катились крупные слезы.

– Не надо, – с трудом вымолвила пленница. – Пожалуйста... Не надо. Я никому ничего не скажу...

Захир-Наим рельефно изогнул одну бровь. Его рука остановилась.

– А ты, оказывается, не глухонемая.

– Нет...

– Почему же тогда не отвечаешь, когда тебе задают вопрос?

– Я... Я испугалась. Пожалуйста...

– Так что ты слышала?

С восточной стороны ветер донес несколько одиночных выстрелов. Ибтихаж слегка дернулся, но Захир-Наим на внезапный огонь никак не отреагировал. В Хуле встречались партизаны, поддерживавшие израильские власти, но особых хлопот они никому не доставляли.

– Я никому ничего не скажу... – еще раз повторила рыжеволосая. Одна слеза, скатившись по левой щеке, повисла на подбородке, на мгновение замерла, а затем, сорвавшись, упала девушке под ноги. Ее место тут же заняла следующая. Захир-Наим смахнул каплю кончиком ножа.

– Я должен тебе верить? – саркастически поинтересовался он.

– Да... Пожалуйста...

– Почему? Почему я должен тебе верить?

Ответа на этот вопрос не последовало. Впрочем, Захир-Наим и не ждал его. Он уже принял решение, от которого не собирался отступать. Девушка должна умереть. Других способов борьбы со шпионажем среди ливанского населения опытный боевик не видел. Их просто не было...

Араб молниеносно дернул рукой, и остро отточенное лезвие его армейского ножа всполо платье на груди девушки. Ткань разъехалась в стороны. Под платьем ничего не было. Взору араба предстала аккуратная обнаженная грудь с двумя темно-красными сосками и глад-

кий живот, на котором чуть выше пупка красовалась едва заметная родинка. На востоке Хулы щелкнуло еще три одиночных выстрела, а затем их заглушила короткая автоматная очередь.

– Нет...

На этот раз девушка дернулась, но Латиф и Ибтихаж еще сильнее завернули ей руки за спину.

– Я хочу тебе верить, – Захир-Наим опустил нож, и его вторая ладонь легла на левую грудь пленницы, до боли стиснула ее. Девушка поморщилась. – Но для этого нужно очень постараться. Ты готова? Как тебя зовут?

Рыжеволосая сдавленно произнесла что-то, но араб не расслышал.

– Громче! – потребовал он.

– Салима...

– Очень хорошо, – губы Захир-Наима чуть дрогнули в улыбке. Отпустив левую грудь девушки, он стиснул правую, зажал сосок между пальцами. – Так ты готова купить себе жизнь, Салима?

– Я не...

– Боюсь, у тебя нет другого выбора, – араб бросил взгляд за спину Салимы и встретился глазами с Ибтихажем. – Хочешь ее, брат?

– А разве можно ее не хотеть?

– Ты прав, – рука Захир-Наима поползла вниз, на мгновение остановилась возле родинки на животе пленницы, а затем спустилась ниже, туда, где смуглую кожу покрывали редкие золотистые волосы. Девушка уже не сдерживала своих рыданий, но ни один из мужчин не обратил на них внимания. – Готов поспорить, что к ней еще не прикасался ни один мужчина. Ты будешь первым, Ибтихаж. Я дарую тебе это право, мой верный друг.

Захир-Наим дернул пленницу на себя, коротко ударил ее в живот, а затем швырнул на пол. Салима завалилась на бок. Ее разрезанное на груди платье расплзлось еще больше, обнажая упругие стройные бедра. Она истошно закричала. Девушка хотела было отползти к двери, но Захир-Наим не позволил ей этого сделать. Ударом ноги опрокинув девушку на спину, он припечатал босую пятку к ее горлу. Салима в отчаянии ухватилась двумя руками за щиколотку араба, но оторвать тяжелую ногу боевика от своей шеи ей не удалось.

– Действуй, Ибтихаж! – скомандовал Захир-Наим. – Потом ты, Латиф. За тобой Малак. Я буду последним.

Ибтихаж не заставил себя ждать. Мгновенно спустив штаны до колен, он кинулся на пленницу сверху, уверенно раздвинул ей ноги. Кричать Салима уже не могла. Стоящая на ее горле могучая нога Захир-Наима позволяла девушке только сдавленно хрипеть. Она извивалась всем телом, однако для Ибтихажа это не было помехой. Напротив, сопротивление девушки распяляло его еще больше.

За спиной Захир-Наима хлопнула дверь. Боевик резко обернулся. В проеме стоял сухонький старичок со спутанными седыми волосами. В его руках была вскинутая двустволка. Оба черных смертоносных зрачка безмолвно буравили спину лежащего на Салиме Ибтихажа. Старичок был полон решимости. Захир-Наим определил это с первого взгляда. Он также успел заметить и маячившего позади вооруженного аборигена голого по пояс мальчугана лет десяти.

– Отпусти ее! – потребовал старичок и угрожающе качнул двустволкой.

Малак потянулся к висевшему на поясе пистолету, но в ту же секунду оба зрачка переместились в его сторону. Ливанец замер, так и не завершив начатого движения. Старичок имел возможность держать в поле зрения каждого из боевиков. Захир-Наим шагнул в его направлении.

– Стой где стоишь, собака! – Голос аборигена сорвался на предательский фальцет. – И скажи своему человеку, чтобы он отпустил мою внучку.

Кривой шрам, тянувшийся через левый глаз Захир-Наима, заметно побагровел. Так случилось всегда, когда араба охватывало чувство неконтролируемого гнева. Никто не имел права угрожать ему оружием. И уж тем более Захир-Наим не мог позволить этого какому-то дышащему на ладан старику.

Рука с ножом была опущена вдоль тела, но профессиональному боевику потребовались считанные доли секунды на то, чтобы выбросить ее вперед и прицельно метнуть нож в грудь вооруженному двустолковой человеку. Старичок не успел спустить курок. Со свистом взрезав воздух, клинок молниеносно пересек расстояние в пару метров и глубоко погрузился между ребер под самым сердцем выбранной жертвы. Старичок охнул и выронил двустолку. Оружие с глухим стуком приземлилось у его ног. Под торчащим из груди армейским ножом на белоснежной рубашке стремительно растекалось кровавое пятно. У старика не достало сил даже на то, чтобы схватиться за рукоятку. Он покачнулся, словно осина под налетевшим порывом ветра, а затем рухнул лицом вниз, накрыв сухоньким телом оброненную за секунду до этого двустолку.

Маячивший в дверном проеме мальчишка кинулся наутек. Захир-Наим быстро подобрал с топчана свой пистолет, передернул затвор и двинулся к выходу. Пальцы намертво стиснули рифленую рукоятку. Боевик успел выйти на улицу раньше, чем пацан достиг плетеной изгороди, тянувшейся вдоль территории дома. Беглец схватился двумя руками за ограждение, подтянулся и перебросил одну ногу на противоположную сторону. Его глаза затравленно поймали в фокус остановившегося на пороге Захир-Наима. По телу мальчугана пробежала дрожь. Араб вскинул пистолет и выстрелил.

Попасть в живую мишень было еще проще, чем в пустую пивную банку. Пуля вошла мальчишке в ухо. Он кулем свалился на землю и замер. Захир-Наим опустил пистолет. Выстрелов с востока больше не доносилось. Партизаны ушли ни с чем. Выставленные по периметру Хулы патрули Карам-Фатхи успешно справились с поставленной перед ними задачей. Лагерь находился в полной боевой готовности в преддверии грядущей схватки с израильскими войсками...

Захир-Наим вошел в дом, равнодушно перешагнул через мертвого старика, лежащего в луже собственной крови, и остановился в центре комнаты. Ибтихаж вопросительно взглянул на него, и тот коротко кивнул в ответ. Малак сосредоточенно наблюдал за тем, как его товарищ по оружию со спущенными до колен штанами возится между ног извивающейся рыжеволосой пленницы. Из раскрытого рта Ибтихажа вырывалось нечеловеческое утробное рычание. Он был во власти охватившей его похоти.

Захир-Наим приблизился. Нижняя губа Салимы была разбита в кровь. Она умоляюще взглянула на замершего рядом с ней боевика. Захир-Наим на мгновение прикрыл глаза, потом навел ствол своего пистолета на лоб девушки и плавно спустил курок. Салима прекратила извиваться. Ее взгляд застыл.

– Эй! – Ибтихаж недовольно поднял голову. – Что ты делаешь, брат? Я же только начал...

– Черт с ней, – устало бросил Захир-Наим. – Она того не стоит, Ибтихаж. Никто из них ничего не стоит, – он сунул оружие за пояс. – Сожгите эту хибару. Мы найдем себе другое жилье. В деревне еще полно таких домов. А другим будет наука...

Никто из подчиненных Захир-Наима не стал с ним спорить. Перемена, произошедшая в настроении боевика, сразу бросалась в глаза. Попадать под горячую руку Захир-Наима не стоило.

Ибтихаж поднялся на ноги и натянул штаны. Малак лишь разочарованно прищелкнул языком. Захир-Наим похлопал его по плечу.

– Нам предстоит сегодня потрудиться.

Закурив сигарету, он вышел на улицу. Первые лучи восходящего солнца окрасили крыши домов в багровый цвет. Захир-Наим глубоко затаился, пристально глядя на взгорье с восточ-

ной стороны от Хулы. Это место было хорошо знакомо арабскому боевику. С него деревенька просматривалась, как на ладони. Лучшее место для снайпера сложно было придумать. Захир-Наим знал, откуда им с Латифом лучше всего приблизиться к взгорью. За прошедшие месяцы ливанская земля стала почти родной. Почти...

– Угостишь сигаретой?

Захир-Наим слышал, как Ибтихаж приблизился к нему со спины, но не обернулся. Затаился еще раз и передал окурок товарищу.

– Я думал, у тебя «травка», – разочарованно протянул Ибтихаж.

Захир-Наим покачал головой.

– Сегодня никакой «травки». Во всяком случае, не раньше вечера. Надеюсь, на тебя можно положиться?

– Всегда, брат.

Глава четвертая

– Пятиминутная готовность, – произнес на чистейшем русском языке курносый паренек в расстегнутой едва ли не до пупа пятнистой куртке и быстро сверился с собственными наручными часами.

Локис припал к окуляру винтовки и еще раз профессиональным взглядом осмотрел вверенный ему сектор прикрытия. Место, где его с напарником высадили с вертолета, казалось Владимиру не самым удачным. Гораздо удобнее было бы разместиться на двести метров севернее. В этом случае он смог бы видеть не только подход к деревушке, по которому двинется группа лейтенанта Абрамова, но и почти всю северо-восточную часть Хулы... Да, Локиса не посвятили во все тонкости предстоящей операции. Он знал лишь то, что счел нужным сообщить ему майор Залинтайн, и то, что чуть позже добавил к сказанному Штурм. Основной прорыв в деревушку будет осуществляться не здесь. Все основные события развернутся на восточных и южных подходах. И там прикрытие осуществляет Влад. Локис считал, что его роль в предстоящей операции могла бы быть и позначительнее. Не то чтобы Владимир намеренно рвался в бой... Нет! В конце концов, это была не его война. Но, будучи профессионалом, российский боец-контрактник предпочитал в любом деле выкладываться по максимуму...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.